

Ш. А. Амонашвили

*Песнь
Великой
Любви*

АМОН-РА

Легенда о камне

Шалва Александрович Амонашвили

Песнь Великой Любви.

Амон-Ра. Легенда о камне

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12628706

Песнь Великой Любви. Амон-Ра. Легенда о камне: Свет; Москва; 2015

ISBN 978-5-00053-335-2

Аннотация

Атмосфера книги известного ученого, педагога, писателя, академика Ш. А. Амонашвили отличается необыкновенной возвышенностью, сердечностью и теплотой. Однако это не просто красивая легенда, а труд, пропитанный глубоким философским смыслом. Для юного читателя эта книга сможет стать путеводителем для понимания Добра и Зла, Любви, Сострадания, Истины и способствовать его духовно-нравственному воспитанию. Также может помочь в приобретении таких черт характера, как стойкость, мужество и великодушие. А взрослых она заставит задуматься о вечных темах, которые всегда волнуют душу.

Содержание

Мальчик из облаков Кавказских гор	5
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	39
Глава 6	49
Глава 7	57
Глава 8	65
Глава 9	77
Глава 10	82
Глава 11	89
Глава 12	93
Глава 13	103
Глава 14	112
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Шалва Амонашвили

Песнь Великой Любви.

Амон-Ра. Легенда о камне

*Рок сужденный записан, когда с Запада
добровольно Камень придет. Утверждаем ждать
и понять Камня путь. Утверждаем ждать
и понять сужденных носителей Камня, идущих
домой.*

Е. Рерих

Мальчик из облаков Кавказских гор

Лучше, чем с веранды моего дома в Кахетии, Кавказских гор не видно нигде.

Смотри на них, любуйся и вдохновляйся.

Кавказские горы для того и существуют, чтобы вдохновлять людей: виноградаря – на выращивание упругих, наполненных солнечным светом и сладких, как мед, гроздьев; кузнеца – на чудо превращения обычного, порою ржавого куска железа в подкову радости и счастья; пастуха – на божественные, небесные пасторали; гончара – на изготовление прекрасных, изысканных сосудов, наполненных его любовью к жизни; ребенка – на поиск неуловимой, но такой желанной синей птицы; поэта – на сложение чистых и светлых стихотворных строк, своих крыльев духа; а учителя – на устремление к постижению величайшей тайны слова «УЧИТЕЛЬ».

«Облака – говорит поэт, – есть думы гор. Они хранят всё виденное и пережитое горами. Облака – мудрость гор, в них печаль и радость Вселенной, прошлое и будущее людей нашей маленькой, летящей среди бесконечных звезд Земли».

До Кавказских гор с моей веранды «душой подать». Однажды я так восхитился их близостью, так мне захотелось их обнять, что я мигом спустился, буквально «слетел» во двор

и завел машину. Внуки сразу бросились ко мне: «А ты куда, дедушка?» «Садитесь!» – скомандовал я, и мы помчались по дороге. «Вот, скоро-скоро, – думал я, – сейчас прямо на машине доберусь до вершины хотя бы одной из них, потрогаю искрящийся и переливающийся всеми цветами радуги снег, искупаюсь в божественных облаках и скажу внукам: „Вот, исполнилась мечта вашего деда!“»

Но горы почему-то отходили всё дальше и дальше, поднимались всё выше и выше, а потом и совсем исчезли, словно растворились в вечности. «Где горы? – спрашивал я у местных жителей. – Где Кавказские горы?» Но в ответ на мой вопрос они разводили руками и говорили: «Какие горы? Нет здесь Кавказских гор!»

И только один мудрый старик (мудрый, потому что у него была длинная белоснежная, словно снег горных вершин, борода, а в руках он держал посох) поднял глубокие, как пропасть, глаза к небу и изрек: «Горы там, сынок!»

Тогда впервые в жизни я пожалел всех тех, кто живет у подножья гор, но самих гор не видит!

Чудесным летним днем я вновь стоял на своей веранде и вглядывался в синие силуэты гор. Я надеялся, что они пошлют мне хотя бы искорку вдохновения или часть своей великой чудодейственной силы для скорейшего и правильного прохождения мною того нелегкого пути, который называется жизнью учителя. Грандиозные, фантастические облака висели над горами, крепко уцепившись за их вершины.

Они двигались, меняли свой цвет и форму, и поэтому казалось, что горы думают.

И вдруг в них я с изумлением обнаружил облик Маленького Мальчика. Через несколько мгновений каким-то чудом он оказался рядом со мной на веранде и тихо сказал: «Напиши обо мне!»

«Но кто ты? И как о тебе писать, если я совсем тебя не знаю!» – смутился я.

«Я проживу свою жизнь в твоих мыслях и видениях, а потом ты напишешь так, как подскажет сердце!»

И с этими словами он растворился в клубящихся облаках. Какое-то внутреннее беспокойство заставило меня сразу же приступить к работе. Я писал, а скорее списывал события, свидетелем которых оказался по воле судьбы. Вместе с Маленьким Мальчиком я смеялся от счастья и плакал от боли, радовался за других и страдал от потерь, учился любить и дарить радость людям...

Я не скрываюсь под псевдонимом, но, так как не всякий, кто пишет, является автором того, что он пишет, было бы справедливее, если бы эта история пришла к вам от имени Маленького Мальчика, ставшего Истиной для тысяч легенд и сказок.

А я не теряю надежды, что Горы, которые пока не собираются покидать мой любимый Кавказ, потому что, кроме вдохновения людей, им надо еще и держать на своих плечах огромную часть неба с созвездиями, когда-нибудь пора-

дуют меня и пошлют Искру Божию. И эта Искра поможет мне разгадать тайну такого загадочного и волнующего слова – «УЧИТЕЛЬ»! Терпеливо, с душевным трепетом буду ждать я этого мига на своей веранде.

Шалва Амонашвили

Глава 1

Ра проснулся рано утром, но вставать не собирался.

– Ра, милый! – ласково шепнула мама.

Ра притворился, что спит. Мама заботливо накрыла мальчика и вышла во двор.

Сегодня у Ра день рождения, ему исполняется семь лет. Сколько всего обещали старшие ко дню рождения! Мальчик предался размышлениям о предстоящем дне. «Испеку тебе пироги, пригласи, кого хочешь», – сказала мама. «Кого же пригласить? – задумался Ра. – Позову Илью. Хотя он старше меня, но дружит и играет со мной. Приглашу также Саломею, она самая красивая девочка в нашем квартале, и у нее замечательные большие глаза, а смеется она громко и заразительно. Я женюсь на ней, когда вырасту... Кого же еще пригласить?»

Мысли Ра переместились на отца. Отец у него хороший: высокий, сильный, красивый и добрый, а голос его как раскатистый гром. В городе он славится как лучший рыбак. Раньше отец был воином, но когда римские legionеры ворвались в Амонию, храброго воина взяли в плен и увели далеко от родины – в Иудею. Здесь встретился он с Марой, девушкой с длинными косами, полюбил ее и женился на ней. Мара многим нравилась, однако, она предпочла всем храброго молодого воина, такого же доброго, как сама.

Отца все звали Амоном, но это не было его настоящее имя. В Иудее его настоящего имени никто не знал, даже Ра. Как-то от мамы он услышал, что страна, которую любил и защищал отец, называется Амон, там живут амонитяне. И именно поэтому иудеи называли отца Амоном. Многие полюбили крепкого рыбака, который половину своего улова всегда отдавал бедным, калекам, вдовам, а в семью приносил столько, сколько нужно было для существования. Отец гордился тем, что его звали именем далекой родины, и часто мечтал о том времени, когда смог бы со своей семьей вернуться в Амон.

Спрятавшись под одеялом, Ра вспомнил обещание отца: «Возьму тебя в день твоего рождения в море, и вместе будем ловить сетью рыбу». Для Ра это было большим счастьем, ибо он не раз упрашивал отца взять его с собой, но отец воздерживался и говорил, что это опасно. А сегодня Ра научится ловить рыбу, но самое главное, вместе с отцом прошагает по улицам Города и все увидят, как отец с сыном несут тяжелую сеть, каким Ра стал взрослым.

У Ра есть еще и дядя – мамин брат. Люди зовут его Философом. А Ра обращается к нему по его настоящему имени – Андрей. Дядя разрешил Ра звать его по имени, а не «дядя Философ» или «дядя Андрей», или же сокращенно «дядя». Андрей очень любил своего племянника, баловал его, а иногда рассказывал удивительные истории. Андрей прочел много книг. В молодости он учился в Египте и говорил, что полу-

чил там какое-то посвящение и поэтому знает о таких таинствах, о которых в Иудее не знает никто, даже царь или главные священники и книжники. Он, например, знает, что такое Мироздание, как звезды прикреплены к небу, что такое душа. И еще он знает, что Земля наша круглая, а не плоская, и крутится.

Андрей раньше пытался научить других тому, что знал сам, но священники и фарисеи рассердились не на шутку и хотели избить его камнями. Тогда Андрей умолк для всех, удалился в горы, нашел там пещеры и обжил их. Там он начал, писать. Писал и писал, скручивал исписанные пергаменты и прятал их в сундуках. Никто не знал, о чем он писал в своих пергаментях, ведь он ни с кем не делился своими мыслями, кроме одного человека – это был Ра. Только с ним заводил Андрей душевные разговоры, и сознание мальчика в эти минуты расширялось от глубин земли до звездного неба.

Ра было четыре года, когда Андрей сказал ему:

– Закрой глаза, не думай ни о чем, всматривайся в темноту и, если там что-то увидишь, скажи мне.

С закрытыми глазами Ра направил свой взор к потолку своей маленькой комнаты и совсем не удивился, когда из глубин темноты стали возникать целые события. Ра не удивился, но испугался, потому что увидел красные и пурпурные языки пламени; увидел горящие дома и вооруженных всадников с копьями и саблями. Он слышал звон са-

бель и стоны людей. Он видел огромных чудовищ, которые со страшным ревом носились в воздухе, и под ними горела земля. Ра заметил испуганных и плачущих детей, которых гнали куда-то. Но в этой суматохе промелькнули и другие картины, там люди радовались, смеялись, танцевали и пели, строили храмы и молились. Всё это видел Ра закрытыми глазами и дрожащим голосом сообщал Андрею. Однако он упустил многое, ибо не знал, какими словами выразить то, что видел, или же терял дар речи при виде страшных картин смерти и разрушения. Андрей поспешно записывал все, и когда Ра открыл глаза, то встретил озабоченное и взволнованное лицо дяди.

В прошлом году, когда Ра не было еще и шести, по просьбе Андрея он повторил опыт. Он закрыл глаза и через несколько секунд погрузился в фиолетовое пламя, которое не сжигало его, а наоборот: фиолетовые языки пламени как будто ласкали его, шептали что-то таинственное. Но Ра не понимал, о чем они шептали, так как этот шепот был без слов и звуков. Мальчик только чувствовал, что в нем вдруг ожила великая и таинственная Мудрость. Именно тогда Ра понял, что самая высокая Божественная Мудрость словами не выражается и уши человеческие ее никогда не услышат. Только сердце способно постичь эту бессловесную, беззвучную огненную Мудрость, похожую на фиолетовый океан огня, в который ты погружаешься, как песчинка, и пропитываешься им. Хотя ты песчинка и погружа-

ешься в Беспредельность Мудрости, но получается необъяснимое: сама Беспредельность тоже погружается в тебя, песчинку. Все это Ра почувствовал тогда, сидя перед Андреем с закрытыми глазами, но описать это состояние дяде он не смог. Только раза два он с удивлением воскликнул: «Небо фиолетовое, море фиолетовое, я погружаюсь в фиолетовый огонь!» А спустя некоторое время лицо Ра озарилось: перед ним возник Образ Величественного Человека, отчасти похожего на Андрея, отчасти на Амона: Образ озаренный, светящийся. Он улыбнулся Ра, и Ра был зачарован.

Андрей увидел, как на лице племянника отразилось состояние блаженства.

– Ра, Ра, скажи, что ты видишь? Ра, кого ты видишь, скажи? – шептал Андрей умоляюще. И Ра прошептал только одно слово; в нем Андрей должен был бы постичь всю Истину, и он ее постиг.

– ЕГО! – с трепетом произнес Ра.

От сильнейшего удивления и волнения Андрей чуть было не потерял сознание, он пристально всматривался в ту часть пространства, куда был направлен взор мальчика. Ра видел всё, но Андрей только на мгновение уловил какое-то овальное фиолетовое свечение, и оно было огромное. Свечение задрожало и исчезло. Ра не отрывал внутреннего взора от Облика, который все отдалялся, увеличивался и растворялся в глубинах фиолетового неба. Ра улыбался ему и махал рукой. «ЕГО», – опять повторил Ра, и Андрей догадался, Кто

предстал перед мальчиком. Сам Ра понял только то, что видел очень близкого человека, которого любят все: и Андрей, и Мара, и Амон, и Саломея, и к которому стремился он сам. Но кто был этот Близкий Человек и как Его зовут, Ра не знал.

После этого события Андрей еще больше приблизил к себе племянника и посвятил его в некоторые свои тайны.

– Мои хранилища с книгами и писаниями я оставляю тебе, только ты можешь понять, о чем я пишу, другие пока не смогут понять меня, – сказал Андрей Ра.

– Но зачем мне книги, если я не умею читать?

– Я буду учить тебя, и первое занятие мы проведем в день твоего рождения, после того как ты вернешься с отцом с рыбной ловли, – так сказал вчера Андрей мальчику, чем его очень порадовал.

«Это будет самый большой подарок в моей жизни – чтение и науки», – подумал Ра, находясь в укрытии под одеялом. Мальчик вдруг заволновался: «Вот и убежит от меня мой день рождения», – подумал он, моментально вскочил с постели и помчался за мамой во двор.

– Мама, где ты? Где папа, он без меня ушел?

– Нет, сынок, – успокоила его мама, которая месила тесто для пирогов, – видишь, отец подготовил сеть и ждет тебя!

Глава 2

Вскоре должно было взойти солнце. Отец с сыном взвалили на плечи тяжелые снасти и вышли на улицу. Впереди шел Ра, за ним – отец. Мальчик шагал гордо, хотя ему было нелегко тащить сеть.

– Амон, сын растет, взрослым становится! – сказал ювелир, когда отец и сын проходили мимо его мастерской.

К этому ювелиру приходили купцы, богатые люди, посыльные вельмож из разных стран, чтобы заказать украшения и разные драгоценные изделия. Когда Захарий, так звали ювелира, создавал какой-либо предмет, то месяцами не выходил из своей мастерской. Он сидел в маленькой и темной комнатке и при свечах переплавлял золото, шлифовал драгоценные камни – творил легенду. Каждое созданное им изделие действительно становилось легендой, потому что работал он самозабвенно и при этом всегда что-то нашептывал. В городе говорили, что изделия Захария имеют какую-то волшебную силу, ибо множество таинственных нашептываний знал он. Но если его спрашивали, правда это или нет, то Захарий ничего не отвечал. А когда спрашивали, как он своими руками создавал такие прекрасные и изящные вещи или как выдерживали его глаза при таком тусклом огне свеч работу над тончайшими линиями и движениями в металле, он отвечал: «Если сердце твое полно любви, то ювелирным

делом могут заняться и пальцы твоих ног!»

Сейчас Захарий сидел у входа своей мастерской, но не потому, что ему было нечего делать, а потому, что он ждал восхода солнца и думал о своем сокровенном изделии, еще не созданном. Ра был наслышан, что у Захария «золотые» руки. Он убавил шаг и пристально посмотрел на руки мастера. Но руки ювелира вовсе не были ни золотыми, ни даже красивыми. А Захарий пристальным взглядом провожал отца и сына, идущих на рыбалку. Никто не знал тайну Захария, почему он не женился, почему жил так бедно. Долго смотрел он вслед Ра, пока отец с сыном не скрылись, свернув на другую улицу. «Эх, этот мальчик мог бы быть моим сыном», – с добрым сожалением подумал он и опять устремил взор на диск восходящего солнца, на его лучи и с восхищением проговорил: «Господи, неужели я когда-либо смогу создать золотое солнце с лучами из драгоценных камней? Это было бы вершиной моего искусства!»

А отец и сын бодро шагали по узкой улочке. Здесь им встретились другие знакомые: грузчики и гончары, портные и сапожники, купцы и лавочники. Кто хвалил мальчика, что тот помогает отцу, как настоящий мужчина, а кто заговаривал с Амоном и просил часть улова доставить к нему в лавку. Так шли они узкими знакомыми улочками к морю, и Ра чувствовал, что взрослеет, что с сегодняшнего дня он уже другой: люди смотрят на него, идущего вместе с отцом на работу, а когда он вернется с рыбалки, Андрей начнет

с ним заниматься чтением и науками. Что еще нужно, чтобы стать взрослым?

Отец столкнул в воду лодку, Ра прыгнул в нее и оглядел море. Его охватило нетерпение – поскорее бы отплыть подальше от берега и помочь отцу забросить эту тяжелую сеть. Они были не одни, вдали виднелось не менее десяти лодок. Иные рыбаки уже забрасывали сети или даже вытаскивали их. Один рыбак прокричал Амону: «Ты уже не один? У тебя помощник? Ну, значит, будет удача сегодня. А у меня улов очень плохой: три раза сеть забрасывал, да все без толку!» Амон хорошо знал, как и в какой стороне лучше рыбачить. А может быть, у него были и ещё какие-то свои секреты, которых никто не знал. Ра смотрел на своего отца с восхищением и удивлением: с какой ловкостью и силой работал тот веслами и всё нашептывал что-то, как ювелир Захарий. Ра не понимал ни одного слова, но догадывался, что отец призывал в помощь какую-то таинственную силу. Лодка неслась удивительно быстро, и вскоре они оказались достаточно далеко от берега и от других лодок. Амон с помощью Ра забросил сеть, ни на минуту не переставая нашептывать только ему понятные слова. Он так был занят делом и так сосредоточенно всматривался в глубину моря, что могло показаться, будто он сам гнал косяки рыб в свою сеть. Спустя некоторое время отец крикнул Ра:

– А ну-ка, мужик, потяни сеть!

Ой, как же трудно, оказывается, тянуть сеть! У Ра напряг-

лись мускулы, но он тянул и тянул изо всех сил. И откуда у него вдруг взялось столько сил? Наконец сеть была вытащена, и дно лодки покрылось слоем серебристых рыб. Рыбешки прыгали, открывали рты, перепрыгивали друг через друга. Быстро закинули сеть во второй раз, затем в третий. Лодка наполнялась.

Амон собрался было забросить сеть еще раз, но вдруг заметил, что лодка слишком далеко от берега, а со стороны горизонта быстро надвигаются темные тучи. Рано утром Амон всматривался в небо, чтобы угадать, какая будет погода, но спокойное и чистое небо не предвещало чего-либо опасного. Даже если бы Амон что-то и почувствовал, то трудно было отказать сыну в обещании взять его на рыбалку, ведь это был подарок ко дню рождения, и мальчик так давно ждал этого счастливого дня! Так что Амон должен был осуществить мечту Ра. Туча приближалась, и Амон почувствовал, буквально увидел шторм, который вот-вот набросится на маленькое суденышко. Рыбаков в море уже не было. Они, по всей вероятности, раньше предугадали ненастье и поспешили к берегу.

– Держись крепко за лодку! – строго предупредил отец и немедленно взялся за весла.

Он греб изо всех сил, лодка стремительно мчалась к берегу, но было видно, что свинцовый горизонт надвигался еще быстрее. «Боже мой, в лодке же сын!» – с тревогой подумал Амон. По опыту он знал, что могло произойти во время

такого урагана Лодку уже начало сильно раскачивать, волны становились все выше и выше, море загудело. Амон посмотрел в сторону берега, но с трудом разглядел его очертания сквозь струи начавшегося ливня. Ра почувствовал тревогу отца. «Происходит что-то неладное», – подумал он и, как учил Андрей, закрыл глаза и заглянул во тьму. Ра увидел там все, что должно было произойти в ближайшие минуты. Отец, с трудом перекрывая грохот моря, закричал сыну:

– Запомни, страх не испугает смерть... Останешься в живых, если будешь бороться за победу, а не за спасение... Ты понял? Повтори, что я сказал!

– Победа – путь к спасению! – что было мочи закричал Ра. Отец услышал, кивнул головой и даже улыбнулся сыну, так кратко повторившему его длинное наставление.

Ра успел уловить эту чистую улыбку, промелькнувшую на лице отца, и в то же мгновение озлобленная огромная волна накрыла лодку и унесла с собою Амона. Именно эту страшную картину и увидел Ра две минуты назад во тьме с закрытыми глазами.

А во чреве черной волны Амон продолжал улыбаться сыну и слал ему последние напутствия: «Силен тот, кто любит! Побеждает тот, кто любит! Запомни это, сынок!..»

Море как будто умолкло на секунду, чтобы крик Амона был услышан сыном. И Ра действительно услышал.

Амона уже не было видно, и Ра знал, что больше никогда не увидит своего доброго и мужественного отца, ибо тело

его погружается в море, а душа летит в небо. Хотя нет, душа отца еще здесь, рядом, и заботится о спасении сына.

«Страх не спасет от смерти», – услышал он снова шепот отца и принял решение. «Если я не уничтожу сейчас свой страх, то это озлобленное море поглотит меня и спасения мне не будет», – подумал мальчик.

Он знал, чем больше опасность перед тобою, тем больший страх охватывает тебя. Именно в это мгновение надо собраться с силами и уничтожить этот страх, избавиться от него, не оставив в себе ни малейшей его частицы. Много раз до этого дня Ра был побеждаем страхом. Он боялся, когда молния раскалывала небо пополам, гром взрывал землю, а журчанье ручейка превращалось в рычание волка; пугался, когда в ночной темноте у пенька вдруг вырастали рога, и это рогатое чудовище гналось за ним. В эти минуты все тело начинало дрожать, сердце готово было выскочить из груди, и с отчаянным криком Ра падал в обморок.

Волна уже унесла отца, и теперь черед мальчика.

Вот с ужасающим грохотом надвигается черная, холодная, беспощадная гора.

Она все ближе и ближе подбирается к маленькой лодочке, затерянной в этом ревушем кошмаре. И что для нее, способной превратить в щепки большие корабли, испуганный продрогший мальчик, которому всего семь лет? От него она и следа не оставит...

Торжествует страх, поселившийся в груди малыша, напол-

няет собой все его маленькое тельце. Страх прыгает, радуется, предвкушая победу, принимает облики безобразных привидений, и будто слышен его ужасающий вой: «Посмотри, мальчик, какой я страшный! Таращи глаза, пугайся, дрожи!»

Извивается страх в теле Ра и продвигается к сердцу, чтобы обосноваться там, набраться сил и затем наброситься на дух и овладеть им, подчинить себе. И не умолкает его холодный шепот: «Молись, мальчик, всем своим богам. Может быть, отзовется хоть один из них и спасет тебя, ха-ха, если, конечно, сможет! Твое рыдание, мольба и безнадежный зов – лучшая из спетых для меня песен! Ха-ха! Так пой мне песни, мальчик, кричи о своем горе! Порадуй меня своими бессильными воплями: „По-о-мо-о-ги-и-те-е!“ Злись, малыш, видишь, все тебя бросили, никто тебя больше не любит, никому ты не нужен, и скоро тебя забудут! Скорей пошли проклятья матери, что породила тебя! Предай анафеме отца, подарившего тебе такой день рождения! Возмутись Богом, пошли ему ненависть свою, раз он послал тебя в этот мир с таким страшным роком! Ха-ха-ха! Я твой властелин, мальчик, я, твой страх! Я столько ждал этого дня, этой прекрасной минуты! Ты глупый и трусливый, тебе никогда не спастись и не скрыться от меня, ибо я в тебе, я здесь, в сердце твоём, и отсюда вливаю яд в душу и кровь твою! Я разрушу тебя, чтобы создать себя; я унижу тебя, чтобы возвысить себя! Ты моя добыча, я питаюсь тобою и набираю силу; я пожираю твою радость, высасываю твои мечты, обращаю твою добро-

ту во зло! Я торжествую над тобой! Это не волна морская поглотит тебя, а я – твой собственный комок страха, которому ты сам и дал жизнь! Я высосу из тебя всё: душу и надежду, мысль и мечту, доброту и любовь, настоящее и будущее; превращу тебя в тряпку и брошу волнам морским. Твое тело будут рвать морские хищники, с души твоей опадут крылья, и станет она добычей небесных чудовищ. А я стану еще сильнее и вселюсь в другого, такого же глупого, жалкого и неумелого, как ты. И его я разрушу тоже, а потом третьего, четвертого, тысячного! Вот как я буду расти и расширяться! Я захвачу весь мир! Ты понял, мальчик? И наступит счастливый день, когда на Земле буду господствовать и властвовать только я, я – страх! И тогда люди, эти жалкие создания, будут пугаться при виде полевых цветов и ярких звезд, лучей солнца и своей тени. Они будут дрожать от журчанья речки и пенья птиц, будут пугаться собственного голоса и голоса матери. Люди возненавидят Богов своих, а Ангелов закидают камнями и грязью! Все будут смотреть друг на друга с недоверием, злобой и ненавистью. Глаза их потускнеют, а уши станут длинными, как у трусливого зайца, и всегда они будут готовы к бегству, спасая себя! Я – страх, мальчик, твой страх. И нет никого сильнее меня! Помнишь, как наставлял тебя отец: „Страх не спасет от смерти“, – не так ли он говорил? Так знай, что тебя не спасет мудрость отца! Видишь, какая огромная, черная, злая волна надвигается, чтобы поглотить тебя! Еще секунда, и ничего от тебя не останется! Так че-

го же ты ждешь? Давай, зови на помощь, призывай обреченно, отчаянно, со злостью и ненавистью все силы небесные и земные; призывай своих глухих и жестоких Богов, кричи из последних сил! Ну, давай, пугайся же, мальчик, ибо близок конец!»

Но вдруг в душу Ра, как молния, ворвался свет и мальчик прошептал слова, похожие по своей силе на раскат грома: «Ты не победишь меня, страх! Что со мной сделает эта волна, если я чайка, если я рыба!»

Страх этого никак не ожидал, ведь он надеялся услышать отчаянный, обреченный крик мальчика, а вместо этого Ра взглянул на волну, похожую на опрокинутое море, добро улыбнулся и воскликнул благоговейно:

– Господи, слава Тебе!

И пока волна собиралась обрушиться на него, все добрые и светлые силы души Ра, собравшись в сердце и объединившись в мощную силу, набросились на комок страха и вырвали его из сердца, швырнув навстречу разбушевавшейся стихии.

Страх, черный-черный, онемевший от неожиданности, застыл на миг в воздухе и полетел в клокочущую пучину. Да, такого поворота, такого обращения с ним семилетнего мальчишки он даже не мог представить! И не мог он предвидеть того, что его можно вышвырнуть из сердца ребенка именно тогда, когда наступил миг величайшего страха, за которым последовал бы разрыв не выдержавшего сердца. За-

стыв в воздухе, страх еще надеялся, что мальчик всё-таки испугается, заплачет или закричит, и тогда он сможет вновь ворваться в него и лишит сил. Но этого не случилось.

«Думай о победе! Побеждает тот, кто любит!» – звучал голос отца, и Ра следовал этому зову. «Я – рыба», – сказал он самому себе и, не дожидаясь, когда волна разнесет лодку в щепки, отдался морю. А волна-гора, такая же черная, холодная и беспощадная, как страх, набросилась на комок страха, выброшенный из сердца мальчика, и растерзала его, стерла в порошок. «Теперь я – чайка!» – подумал Ра в глубине моря и взлетел в воздух на гребне волны, а затем еще раз, и еще, и еще...

Глава 3

Ра остался в живых, отца же поглотило море.

«Если хочешь спастись, то думай о победе», – повторял мальчик и боролся с бушующим морем. Удивительно, но именно море, такое неприветливое и холодное, уничтожило комок страха Ра. И мальчик, которому исполнилось всего семь лет и которому отец в день его рождения преподнес в подарок это море, торжествовал над разбушевавшейся стихией и над собой. Ра победил страх! И потому гул моря и грохот волн-гор даже стали забавлять его.

Что оттого, что он был еще маленьким? И что значит «маленький»? Разве можно назвать взрослым пятидесятилетнего человека, у которого волосы встают дыбом от малейшего шороха? Мал тот, кого побеждает страх, кто боится всех и всего вокруг. Большим же следует считать того, кто справился со своим страхом, с собой, и пусть ему всего пять, шесть или семь лет.

Кто победит: семилетний мальчик или разбушевавшееся море? «Море, конечно», – скажут опытные люди и будут вполне правы. Но Ра в этой борьбе оказался сильнее, потому что в нем ожила великая Мудрость!

Может ли разбушевавшееся море потопить и поглотить щепку? Ведь оно, когда волны бушуют и ревут, в состоянии потопить корабли, свалить горы, смыть города, но потопить

щепку оно не в состоянии. Море ничего с ней не может сделать, потому что щепка не боится его. Причем не только не боится, а ей даже нравится эта игра с морем. Море бросает щепку на берег, но она возвращается к нему; забрасывает высоко в небо, а она опускается на волны; топит в глубине своих вод, а она всплывает на поверхность. Щепка смеется, радуется, ведь всё это для нее игра и забава, а море возмущается и бушует.

Ра пережил рождение в себе мудрости щепки и победил.

Постепенно море утихло, улеглось. Вокруг, насколько хватало глаз, была одна вода, берега нигде не было. Совсем измотанный Ра лежал на спине и отдыхал. Сколько его носило и бросало море, он не знал. Помнил только, что разбушевавшиеся волны, как щепку, бросали его то вверх, то вниз. Зброшенный вверх Ра летел и опускался на гребень волны, как чайка, а поглощенный волной он превращался в рыбу и устремлялся к поверхности моря. Так продвигался он к победе – целеустремленно и упорно.

Он лежал на спине, покачиваемый утихшими волнами, и смотрел на небо. Было раннее утро. На очистившемся небе слабо мерцали уже гаснувшие звезды. Среди них Ра искал звезду отца. На какой из них сейчас душа Амона? А может быть, она еще здесь, не спешит улететь, пока сын не будет спасен?

Мальчик был погружен в эти мысли, когда подплыли дельфины. Ра не испугался дельфинов, он и не знал, что они –

дельфины. Даже если бы это были хищные акулы, Ра все равно не испугался бы, так как комок его страха был уже разорван на кусочки и разбросан волнами по всему морю. Дельфины сначала с интересом разглядывали Ра издалека, потом приблизились, несколько раз перепрыгнули через него и, как будто узнав в нем старого друга, улыбнулись и запищали, что-то говоря ему, а затем стали тереться носами и плавниками, как бы успокаивая и лаская мальчика. Их было четверо, и действовали они слаженно, как один. Двое из них аккуратно подхватили маленькое тельце Ра снизу, а двое поплыли впереди, словно показывая дорогу. Так они мчались в течение дня, пока не достигли берега. Уставший, измученный Ра заснул на спинах дельфинов, и они, словно поняв это, с такой осторожностью несли его к берегу, что мальчик ничего не чувствовал. Дельфины сделали прощальный круг недалеко от того места, где лежал спасенный ими человек, и уплыли, а Ра продолжал спать глубоким сном.

Мальчика, выброшенного на берег, нашли только три дня спустя, далеко от Города, и бережно понесли домой. Все удивлялись, в какую даль занесло его море. Ра помнил всё: и прощальную улыбку отца, и его последние наставления, и волну, которая унесла Амона, и волну, которой он улыбнулся.

Мара уже ни на что не надеялась и уже не плакала, только в ее распухших и красных глазах можно было увидеть всё то, что она пережила за эти дни. И когда люди принесли Ра

в дом, она подняла засветившееся от счастья лицо к небу, опустила на колени, в молитве протянула чуть вздрагивающие руки к небу, а потом прижалась к земле так, словно хотела обхватить всю планету своим сердцем. Она беззвучно плакала, лаская сына, целовала и благодарила землю, славила море, отнявшее мужа, но пощадившее ее мальчика. Потом, обессиленная от радости, Мара прижала к своей груди чудом уцелевшего сына и затихла.

Ра не проронил и слезинки с тех пор, когда волна поглотила отца. Он чувствовал и верил в то, что отец не умер, что они расстались не навсегда. Еще там, в море, покачиваясь на волне, Ра несколько раз закрывал глаза и погружался во тьму. И тогда оттуда выплывало золотистое светящееся облако, а из него появлялось улыбающееся лицо Амона... «Он там, где ему надлежит быть, но я также знаю, что отец сейчас рядом со мной и мамой, он здесь», – думал Ра, прижимаясь к матери.

И вдруг сами собой хлынули из его глаз горючие слезы. Он зарыдал, уткнувшись в грудь Мары, и платье ее быстро намокло от этих обильных слез.

Мальчик плакал не из-за гибели отца, так рано покинувшего этот мир; не затем, чтобы показать другим свое несчастье и этим вызвать жалость к себе – сироте; и не потому, что молодая и красивая мама так рано стала вдовой. Ра твердо знал: случилось то, что должно было случиться, и уже ничего нельзя изменить. Этой мудрости маленького мальчика

научил друг и учитель – Андрей. Плакал Ра горькими слезами только по той причине, что очень любил отца и маму, и слезы его были слезами сострадания к ним, таким родным, вынесшим тяжелые и жестокие испытания и заплатившим за них такую высокую цену...

Часто бывает, что люди плачут и горюют из-за утраченного, потерянного для них предмета, который очень хочется вернуть обратно. Кто-то плачет потому, что потерял близкого человека и жалеет его, а может быть, жалеет самого себя: «Как же мне без тебя жить и что делать дальше?» Иной плачет от обиды, унижений и оскорблений: «Почему вам не жалко меня? Как вам не стыдно?» А кто-то проливает слезы от боли и физических страданий, от жалости к самому себе и поэтому упрекает Бога: «В чем я провинился, в чем виноват, что Ты не жалеешь меня?»

В общем, чаще всего люди плачут из жалости к себе. Они рыдают и этим успокаивают душу. Они оплакивают самих себя, цепляются за уже ушедшее прошлое, пытаются его вернуть. И слезы эти есть слезы прошлого. Если попробовать их на вкус, то обнаружится, что они не только соленые, но еще и терпко-горькие.

Но люди умеют плакать и по-другому. Они плачут так, когда неожиданно и круто меняют свой жизненный путь. В это время слезы похожи на поток бушующей реки после грозы, и поток этот разрушает, смывает и перекрывает все пути, ведущие назад, в прошлое. И благо тому человеку, который

хоть однажды плакал такими слезами, ибо он раз и навсегда оставил прошлое по ту сторону, а теперь начинается совсем другая, новая и интересная жизнь. Назад возврата нет, и дороги туда закрыты.

Например, упал человек, сломал ногу, и слёзы боли полились из глаз. Но человек этот не возмущается, не винит в произошедшем кого-то другого, а принимает всё, как есть, делает выводы и ищет свои ошибки, чтобы в следующий раз их больше не повторять. Или потерял он какой-то предмет, любимую вещь и, конечно, жалеет, переживает, но не убивается, а думает: «Значит, настало время, когда он мне больше не нужен, а нужен другому».

Еще пример: ушел из жизни близкий человек, может быть, отец или муж, как это случилось с Ра и Марой, или кто-то другой, такой родной и любимый. И тогда люди плачут, но не для того, чтобы их пожалели и посочувствовали им, а потому, что они вспоминают добром тех, кто покинул этот мир, и из этих светлых слёз создают памятник Любви.

Но такими слезами плачут немногие, ведь это слёзы самопожертвования, и они переносят людей в будущее. Конечно, от них краснеют и припухают глаза так же, как и от обычных слёз, но они же дарят душе свет и очищение.

Из глаз Ра текли потоки горячих слёз, несущих с собой надежду, сострадание и любовь. Он не оплакивал отца и не жалел себя. Он не притягивал прошлое. Если бы он был чайкой, парящей над разбушевавшимися волнами, или рыбой, ныря-

ющей в самое сердце озлобленного моря, ему не нужно было возвращаться в прошлое. Зачем же оплакивать отца, умершего смертью храбрых? Это отец, погибнув бесстрашно, победил смерть, а не она его! Сейчас душа Амона провозглашает победу и стремительно летит к своей звезде! И любые слёзы горя, траура, отчаянья и сожаленья могут отяжелить ей крылья, осложнить путь. Все это знал и понимал Ра. И он плакал слезами чистой любви, помогая душе Амона преодолеть сложный путь. А Мара ласкала, целовала сына, и в душе ее теплился луч надежды.

Может быть, Ра еще долго рыдал бы так, уткнувшись в грудь матери, но нежное прикосновение чьей-то руки заставило его обернуться.

– Хватит плакать. Пошли со мною, пора приступать к делу! – ласково произнес подошедший Андрей.

И Ра сразу успокоился, а мама нежно улыбнулась ему и ладонями вытерла слёзы.

– Следуй за ним! – сказала она спокойно, и в голосе ее были слышны доброта и надежда.

Ра поцеловал маму, повернулся и побежал за Андреем.

Глава 4

Они медленно шли по узкой и длинной улице. Солнце уже садилось за горизонт, приближался тихий и ласковый вечер. На улице играли дети. Они бегали друг за другом, смеялись, а то и дрались. Кое-где собиралась в группы молодежь, и оттуда доносились музыка и песни. Старшие чинно сидели перед своими домами и мастерскими на лавочках или прямо на земле, курили трубки и вели беседы.

Взрослые и дети всех кварталов долгими, сочувствующими взглядами провожали Философа и его племянника. Некоторые высказывали соболезнования по поводу гибели Амона, поздравляли, что сам Ра остался в живых. Дети с уважением и интересом глядели на Ра, который так отважно боролся со стихией и вышел из этой битвы победителем. А одна старая женщина обняла его, поцеловала, положила ему на голову руку и нашептала молитву от порчи и злых духов. Потом она вложила в руки мальчика свежее испеченный лаваш и проговорила: «Сынок, Богу было угодно оставить тебя в живых. Слушайся Бога!»

Наконец улица закончилась. Ра и не заметил, как оказался на тропинке, весело бежавшей в гору среди камней. Тропка была чуть заметная, кое-где покрытая колючим кустарником. Быстро стемнело, и Ра почти ничего не видел. Но он шел без опаски, ориентируясь на шепот Андрея и шуршание

мелких камешков под его ногами. Тропинка казалась мальчику прямой, и Ра шел по ней смело, неся в себе тяжесть своих мыслей и переживаний.

Уже несколько лет Андрей жил в горных пещерах, в которых ему никто не мог помешать работать над записями. Он ушел из Города в горы, оставив людей и дом, и не жалел об этом. Здесь, в этих пещерах, Андрей писал, думал, читал и мечтал.

Пещер, пригодных для жилья и работы, было несколько. В одной из них он писал свои трактаты, и здесь стояли большие сундуки с книгами и рукописями. Во второй пещере Андрей проводил разные опыты, и поэтому в ней было много странных непонятных устройств и множество различных по цвету и форме баночек с порошками. Третья пещера была посвящена Тому, появления которого Андрей ждал уже в течение стольких лет!

Эту пещеру Андрей обустроил с особой любовью и теплотой. Ее стены были украшены прекрасными рисунками, горели свечи, повсюду стояли живые цветы, а воздух был наполнен чудным ароматом благовоний. В представлении Андрея Тот, кого он так хотел увидеть в этой пещере, должен был появиться неожиданно, без предупреждения. И, возможно, Он не остался бы ночевать и не присел бы даже на минутку, чтобы отдохнуть с дороги, а так, стоя, просто поговорил бы с тем, кто так жаждал Его! И пусть Он сказал бы всего несколько слов, но эти слова могли бы изменить

всю жизнь Андрея! Ради Его появления, для этого прекрасного мгновения Андрей и подготовил третью пещеру, которая стала для него храмом. Каждый день утром и вечером Андрей входил сюда, молился, менял свечи, ставил цветы и поливал их.

А для Ра Андрей выделил отдельную пещеру. Одну стену в ней он покрыл странными рисунками, на другой высек буквы и мудрые изречения, третью превратил в целую книгу, а свод пещеры с первого взгляда было трудно отличить от открытого неба с плывущими по нему облаками и чередующимися на нем светилами. Чудесные краски картин Андрея и изумительные природные цвета сочетались и переплетались между собой, создавая сказочное зрелище. Везде вдоль стен стояли цветы в горшочках, распространяя во круг себя чарующий запах. Посреди пещеры Андрей поставил кровать и низкий изящный столик, а пол покрыл прекрасными коврами.

И именно сюда держали сейчас свой путь дядя с племянником.

– Пришли! – неожиданно сказал Андрей задумавшемуся Ра.

Ра оглянулся, но в кромешной темноте ничего не смог разглядеть.

– Следуй за моим голосом! – сказал Андрей и, шепча таинственные слова, вошел в пещеру. Ра осторожно последовал за ним. Шепот впереди прекратился, и слышались

какие-то удары, сопровождающиеся маленькими огоньками-искрами. Наконец мальчик увидел слабое свечение в руках Андрея. Дядя держал горящую лучинку, которой зажигал свечи, прикрепленные к стенам, и пещера ожила, наполнилась светом.

– Это твоя пещера, с сегодняшнего дня ты будешь жить здесь!

Удивлению Ра не было предела: разрисованные стены, таинственные надписи, высокий свод над головой, похожий на небо, цветы, ковры и разнообразные вышитые подушки. Все это поразило мальчика.

– Нравится? – спросил Андрей.

– Очень! – ответил Ра и тут же спросил с нетерпением в голосе: – Андрей, а когда ты научишь меня чтению и другим наукам, чтобы я поскорее смог прочесть и понять то, что изображено и написано на этих стенах?

– Мы уже опоздали на три дня, поэтому не будем терять времени и начнем сейчас же! – ответил Андрей спокойно.

Он достал из ниши, высеченной в стене, кувшин, наполненный какой-то жидкостью, налил в глиняную чашу и протянул мальчику. Ра после долгой и нелегкой дороги хотелось пить, и он подумал, что Андрей дает ему обычную воду, чтобы утолить жажду. Но как только он поднес чашу к губам, то почувствовал, что это не просто чистая вода. У нее был необычный и очень приятный запах и вкус. Ра с удовольствием осушил чашу до дна, и его тело сразу наполнилось силой

и бодростью.

– Что это было, Андрей?

– То, что сейчас тебе очень нужно, чтобы восстановить силы.

Андрей тоже выпил полную чашу и поставил ее на место. Затем он подвел мальчика к одной из стен и шепотом, словно их мог кто-то услышать, произнес таинственным голосом:

– Видишь, это та гора, в сердце которой мы сейчас находимся, а вот наши пещеры. За этой горой восходит солнце, посмотри на восходящее солнце...

На рисунке Андрея была изображена гора, освещенная золотыми лучами, тянувшимися кверху, к своду пещеры.

– Это восход солнца, – продолжал Андрей, – завтра мы увидим это чудо!

Затем Андрей подвел Ра к противоположной стороне. – Посмотри, здесь тоже изображена гора, но уже другая, за этой горой солнце заходит.

Ра увидел на стене нарисованное заходящее солнце, освещающее все вокруг желто-красными лучами. «Как же удалось Андрею так нарисовать? Его рисунки кажутся живыми!» – подумал про себя мальчик, с изумлением разглядывая картины. Но его еще больше удивил простой вопрос дяди:

– Скажи мне, Ра, как же так получается, что солнце восходит из-за одной горы, а заходит за другую?

Ра не успел придумать ответ, как Андрей задал, ему вто-

рой, а затем и третий вопросы:

– А зачем человек рождается? Что он ищет в этом мире и почему не находит то, что так искал всю свою жизнь?

При всем желании Ра не мог ответить Андрею, да Андрей сразу и не ждал от маленького мальчика правильных ответов на такие сложные вопросы, которые заставили Ра глубоко задуматься. «А ведь действительно, – размышлял он, – живешь на земле, радуешься солнцу и не знаешь, кто ты, откуда пришел, чего ищешь здесь и куда потом уйдешь... И почему, как, зачем восходит и заходит наше солнце?»

– Давай выйдем на воздух! – предложил Андрей.

Они пошли вверх по незнакомой Ра тропинке и через некоторое время оказались на вершине невысокой горы. Дядя с племянником с трудом умещались на маленькой площадке.

– Посмотри на небо. Нравится? – почему-то прошептал Андрей, подняв кверху голову.

Ра последовал примеру Андрея, и у него от восторга захватило дух! Над ними сверкало и переливалось тысячами звезд бархатное черное небо. Звезды были маленькими и большими; голубыми, розовыми, желтыми и зелеными. Они перемигивались между собой, играя друг с другом, а может быть, ведя только им понятные беседы. Ра никак не мог оторвать взгляда от этой неземной, сказочной картины, и ему даже показалось, что кроме него и этого неба больше ничего не существует.

– Кто и зачем создал над нами этот прекрасный небосвод? Что происходит там, на звездах? – задумчиво, как будто сам себе, задал вопрос Андрей.

Еще долго они стояли, смотрели на небо и думали каждый о своем.

Андрей думал о том, как быстрее помочь понять мальчику, что всё, что окружает людей, есть Беспредельность; а в Беспредельности господствует Мысль; а Мысль, пропитанная Любовью, творит Вселенную. Именно Любовь есть основа Мироздания, Матьер всего сущего... И сколько же лет понадобится Андрею для того, чтобы просветить ум мальчика, направить его на самостоятельное познание этих и других тайн Мироздания.

А мысли Ра летели к звездам. «А что за этими звездами? А еще выше? А дальше?» – думал он и не мог даже представить себе, что где-то, за сверкающими и манящими к себе звездами, может быть пустота. «Конца нет, не может быть! Все бесконечно! Всюду должно быть и есть всё!» – подумал мальчик и обрадовался этой пришедшей из глубины сознания мысли.

Когда они вернулись в пещеру, Андрей сказал:

– Уже поздно. Но, если хочешь, не гаси свечи, а рассматривай картины на стенах и размышляй!

Так началась новая жизнь Ра, такая неизведанная, манящая и прекрасная!

Глава 5

Андрей занимался с Ра каждый день: утром и вечером, в полдень и в полночь. Местами для их занятий становились пещера и вершина горы, небольшой кусочек земли в тени дерева около пыльной дороги и роскошный цветущий луг. Природа предоставляла им свои лучшие классы, постепенно открывая Ра свои секреты. Все дни и ночи всё, что окружало мальчика, было превращено в один большой урок. Как жаждущий олень припадает к горному ручью, чтобы напиться, так Ра припадал к источнику знаний и впитывал эти знания в себя. А источник находился повсюду. Для Ра Андрей превращал в удивительные и ожившие книги муравейники и плывущие облака, журчанье речки и порывы ветра, куст розы и пение соловья, корни деревьев и мерцание звезд, маленькую песчинку и огромную гору, свет и крылья орла, человека и Вселенную. Андрей учил мальчика читать книгу природы, самостоятельно разгадывать ее тайны.

– Если хочешь, чтобы знания потоками лились к тебе, ты должен овладеть тремя вещами: наблюдением, удивлением и восхищением, – учил Андрей.

Ра быстро научился наблюдать и удивляться. Поэтому однажды, идя с Андреем по дороге в Город, чтобы повидаться с Марой, он заметил необычный камень, лежащий в пыли. Ра поднял его и стал внимательно рассматривать. Камень

был удивительный, совсем непохожий на другие, валявшиеся здесь же на дороге.

– Андрей, посмотри, какой интересный камень я нашел, как будто на нем что-то написано! – сказал Ра учителю.

Андрей взглянул на камень и остановился. Взяв камень в руки, он присел на обочине дороги и с огромным вниманием стал его рассматривать. От напряжения на лбу у Андрея собрались морщинки и появились капельки пота. Долго Андрей разглядывал камень, бережно держа его в своих красивых, столько умеющих руках. А потом, просияв лицом, учитель подозвал к себе Ра.

– Это не простой и не случайный камень, – произнес он с улыбкой и как можно спокойней, но в его голосе Ра почувствовал какое-то волнение. – Я полагаю, что это твой камень-письмо. Пойди, промой его в ручье и посмотри, каким он станет!

Мальчик осторожно взял камень из рук дяди и опустил его в весело журчащий ручей, и тот, как показалось Ра, обрадовался, улыбнулся. Камень был плоским и белым-белым, он точно умещался на маленькой ладони Ра. На камне были выведены какие-то знаки похожие на буквы и, словно линии на ладони, они пересекали друг друга, образуя неведомые тропинки.

– Андрей, неужели здесь и в самом деле что-то написано? Может, это просто случайные линии и знаки, придуманные природой? – задумчиво спросил Ра, не отрывая глаз от своей

находки.

– Запомни, мой мальчик, – ответил Андрей, – природа, как и всё, что тебя окружает, будь то камень, река, звезды, облака, ветер, солнце, луна, листья деревьев или их корни, не знает, что такое случайность. Природа говорит только правду и пишет книги истины. По законам истины живут звери, птицы, муравьи, пчелы. К сожалению, только человек творит в этом мире ложь, и этим он оскверняет себя и унижает само звание «ЧЕЛОВЕК». Камень, который ты держишь в руке, глаголет истину, сообщает тебе о чем-то очень важном и таинственном.

– Мне?! – удивленно воскликнул Ра.

– Да, только тебе одному!

– Но о какой же тайне он мне может сообщить? – спросил мальчик, охваченный любопытством.

Андрей спокойно объяснил:

– Я же сказал тебе, что камень может быть письмом, написанным сотни тысяч лет назад. Его положили специально для тебя, чтобы ты нашел и прочитал его.

Ра с удивлением слушал своего учителя, и в его голове возникало огромное количество вопросов, требующих незамедлительных ответов. Ведь Андрей говорил с ним о таких вещах, разобраться в которых самостоятельно Ра было не под силу. Что, например, могли означать слова «сотни тысяч лет назад»?

– А как же прочесть эти буквы и эти линии? Ты не учил

меня таким знакам, я их не знаю!

– Я не могу научить тебя всему, мой мальчик, ибо сам не знаю всего, скорее, я очень мало знаю. Ты попробуй, поговори с камнем, попроси его помочь тебе.

– Поговорить с камнем?! – удивился Ра. – Разве камень умеет говорить?!

– Говорить могут и камни, и деревья, и вода, и птицы. Говорить умеют все. Но дело в том, что камень не может научиться человеческому языку, а человек может научиться языку камня. Человек, если очень захочет, может научиться понимать шепот ветра, язык птиц, шелест листвы и всего, что его окружает, – язык самой природы, всей Вселенной. Научись языку камня, и он расскажет тебе, как разгадать тайну, записанную на нем.

– Ты говоришь, что этот камень может быть письмом, посланным только одному мне? – переспросил Ра.

– Да, возможно, это именно так. Иначе, зачем же он столько ждал тебя на дороге, почему его не взял кто-то другой? Ведь по этой дороге сегодня прошли многие, но никто не нагнулся и не поднял этот камень. И ты тоже не будешь подбирать всякий камень, попадающийся на пути, не всякий привлечет твое внимание. Вон, смотри, еще один лежит, похожий на этот, не хочешь ли взять его?

– Нет, не хочу, мне этого хватит.

– Правильно говоришь, – подтвердил Андрей, – тот камень, может быть, есть письмо для другого человека.

Когда-нибудь тот, кому предназначено послание, пройдет по этой дороге и найдет только свой камень-письмо. А ты держишь в руке свое письмо, я уверен в этом.

– Если так, то кто же мог послать его мне?

– Вот этого я тебе сказать не могу, – ответил Андрей, – наверное, камень-письмо послал Тот, кто знает, что ты есть; Тот, кто заботится о тебе и надеется на тебя. Не зря Он написал тебе это письмо на камне, видимо, хочет сообщить нечто очень важное, необходимое.

Ра задумался, пытаясь разобраться во всем том, что сказал Андрей. Мальчик видел, что Андрей говорит серьезно, даже торжественно, но постичь весь смысл и глубину его слов для Ра было нелегко.

– Андрей, ты же знаешь, что мне семь лет. Когда же этот камень-письмо был отправлен? Разве не видно, что этому камню не семь лет, а, может быть, даже семьсот или, как ты говоришь, сотни тысяч лет. Эти знаки не высечены на камне, а рождены вместе с ним. Выходит, что это письмо было послано задолго до моего рождения. Как же это могло произойти?

– Слушай меня сердцем, мой мальчик. Рождение и сотворение – разные вещи. Камень, который ты держишь в руке, мог быть послан много тысяч лет назад. Но ты, Ра, сотворен гораздо раньше, чем твой камень, однако, родился ты на Земле всего семь лет назад. Бог сотворил тебя как Вселенскую Искру, Бессмертную Душу, а мама родила тебя как че-

ловека Земли. Ты сотворен всего один раз, а рожден сто, может быть, семьсот раз. Человек рождается для того, чтобы развить свой дух через земные воплощения, через свои мысли и деяния. Он обязательно должен пройти через эти бесчисленные рождения, чтобы познать себя, а познав себя, человек постигнет Мироздание, узнает Законы Космоса! Вот и думай сам, из глубин каких времен был послан тебе камень-письмо, кто и почему писал его для тебя.

– Значит, я много раз был рожден?! – воскликнул Ра, всё больше и больше удивляясь словам Андрея.

– Да, это так.

– Но почему я ничего не знаю о своем прошлом? Почему не помню, что когда-то жил на Земле, да не один, а много раз?

– Ты и не должен помнить о своем глубоком прошлом. Память о прошлых жизнях может помешать человеку в дальнейшем развитии, она может заслонить путь душе к восхождению, остановить ее, стать непреодолимой преградой. Именно поэтому ты и не помнишь предыдущие жизни, но их помнит твоя душа, которая руководит твоей нынешней жизнью! – Андрей объяснял спокойно, но видно было, что он взвешивал каждое слово, чтобы семилетний мальчик мог осознать, как устроен духовный, невидимый мир, который нельзя потрогать рукой.

– А камень-письмо посылают каждому человеку или только некоторым? – спросил Ра после минутного размышления.

– Каждому. Однако в развитии своей души человек может только один раз встретиться со своим письмом. Это произойдет тогда, когда возникнет в этом необходимость. Камень-письмо есть предупреждение человеку, чтобы он не отклонился от своего пути, чтобы смог достойно завершить этот путь. Хочу, чтобы ты, Ра, понял, какое это счастье – держать в руках камень, предназначенный только тебе.

– Андрей, а ты уверен, что это письмо мне, а не кому-то другому?

– Да, мое сердце подсказывает, что это именно так. Надеюсь, что ты тоже в этом скоро убедишься, – ответил Андрей.

В голове Ра крутились сотни, а то и тысячи вопросов, и все требовали ответов. «Какой же первый задать Андрею? – думал он. – Нужно, наверное, самому попробовать во всем разобраться, а учителя спросить только о том, на что не смогу найти ответа». Но Ра не терпелось узнать как можно больше именно сейчас, и он опять заговорил:

– Андрей, я утомил тебя своими вопросами, но хочу спросить еще, можно?

Андрей улыбнулся племяннику своей доброй и мягкой улыбкой. Он радовался тому, что мальчик обладает удивительной целеустремленностью в познании себя, природы и всего Космоса и с таким упорством пытается понять тайны камня-письма.

– Спроси. Отвечу, если смогу, – сказал он.

– Вот ты говоришь, что это мой камень. Но может ли

так случиться, что человек чужой камень-письмо принял за свой?

– Редко, но такое случается. Конечно, будет плохо, если кто-то подберет чужой камень и сочтет его своим. Во-первых, ему трудно будет прочитать то, что на нем написано, и, значит, человек не поймет смысла послания. Во-вторых, если даже и разберется, о каком предупреждении или задании там идет речь, и станет делать это чужое дело, то наверняка оно закончится безрезультатно. Каждый должен жить своим письмом! Жизнь по чужому посланию вызовет осложнения не только в собственной судьбе, но и в судьбах многих других людей. Если сердце подсказывает, что это не твой камень, то и дотрагиваться до него не надо, и менять его местонахождение тоже не следует. Только жизненная необходимость подскажет людям, когда можно дотрагиваться до такого камня и перемещать его с одного места на другое. Но люди чаще всего и не знают, что имеют дело с камнем-посланием, от которого зависит не одна судьба.

– Андрей, объясни мне, как же все-таки человек может догадаться или понять, что это не простой камень, а его камень-письмо, его дальнейшая судьба? Люди же не знают, что кто-то им посылает такие письма, да еще на камнях! Вот пройдет по этой дороге хозяин такого письма и не заметит его, не поднимет, а пойдет дальше своей дорогой... Что же тогда случится с камнем и с этим человеком?

– Если человек думает о развитии своей души, то рано

или поздно, но он обязательно встретится со своим камнем-посланием. Он может и не знать, и далее не догадываться о его существовании, ведь ты тоже, еще совсем недавно, даже и не слышал о таком камне. Тебе твой камень-письмо попался на пыльной дороге и непонятно почему понравился, ты взял его в руки и стал рассматривать. А другой человек, может быть, споткнется о камень и так получит свое послание. Только человек с закрытым и озлобленным сердцем может не заметить свой судьбоносный камень. Если даже такому человеку подсказать что это, и он возьмет его, то всё равно не поймет, зачем же этот камень ему нужен. К сожалению, так происходит очень часто.

– Но кто же приносит такие письма? Кто принес его мне?

– Давай представим себе такую картину. Ливни, которые шли много тысяч лет назад, несли твой камень с высоких гор в это ущелье. Потом какой-то землекоп своей лопатой поддел камень и перебросил в другое место, а столетия спустя пастух, пасший овец, схватил его и кинул в волков. Затем отшельник, живущий в горах, заметил камень, догадался, что это камень-письмо, что оно спешит на встречу со своим адресатом, и бросил его в сторону дороги. Камень не долетел до дороги и упал в кусты. Прошли годы, и кусты засохли. И вот спустя века и тысячелетия ты, Ра, на обочине среди других камней узнал и поднял свой камень-письмо! Этот камень проделал к тебе такой длинный путь не просто так, он должен сообщить что-то очень важное и нужное только

тебе. А к другим людям камни-письма могут прийти совсем по-другому, но они обязательно придут, надо только ждать и верить. Камни-письма никогда не пропадают, просто их надо узнать!

С удивлением слушал Ра рассказ Андрея и всё с большим любопытством разглядывал камень, гладил его. Камень был действительно красив, выведенные на нем таинственные знаки были похожи на искусные кружева, а изящные линии, пересекающие его, придавали ему еще большую загадочность и неповторимость.

Дядя и племянник – учитель и ученик – продолжили свой путь. Долго шли они молча, и когда впереди показался Город, Ра нарушил молчание:

– Андрей, а ты тоже получил свой камень-письмо? – спросил он учителя, подходя к воротам Города.

Андрей остановился, показал на маленький мешочек, висевший у него на шее, и ответил:

– Вот мой камень-письмо. Я уже познал свою Тайну и следую ей!

Глава 6

Прошло полгода с тех пор, как Ра ушел из дома к Андрею. Мальчик очень соскучился по маме, по своим друзьям. «А что если научить их чтению и наукам? – думал он. – Конечно, я не смогу обучать так же хорошо, как учит Андрей, но я постараюсь!»

Мара сердцем чувствовала приближающуюся радость. Она сидела на лавочке перед домом, вязала носки для любимого сына и всё время смотрела на дорогу. Она еще издали заметила Андрея и Ра и, словно птица, устремилась к ним навстречу.

– Ра, мой любимый, мой единственный! – запричитала она, обнимая сына и глядя на него своими блестящими от радости глазами.

– Андрей, – вдруг воскликнула Мара, – мне кажется, что Ра стал совсем взрослым, в его глазах светится мудрость! Так ли это?

– Да, Мара, это так, – спокойно ответил ей брат, – Ра вырос, он много читает, многое знает и понимает, схватывает все буквально на лету. Ра – светлая душа!

Так как был выходной день и люди не работали, в маленьком дворике Мары собрались соседи. Мужчины хлопали мальчика по плечу, а женщины ласково гладили по голове. Все наперебой выражали свое почтение Андрею, ведь

именно он научил племянника читать, и теперь Ра читает умные книги и постигает разные науки. И еще все заметили, что Ра очень вырос, повзрослел, а его глаза стали серьезными.

Радости Мары не было конца. Она хлопотала вокруг гостей, приглашала, рассаживала их. В маленьком домике разместить стольких людей было невозможно, и потому Мара все угощение вынесла во двор. Под тенью старого орехового дерева прямо на земле она расстелила скатерть, расставила большие миски с разнообразными блюдами. И как она, одинокая женщина, смогла успеть приготовить столько удивительно вкусной пищи! Долго веселились и праздновали соседи. Дети пели, играли и танцевали, а взрослые беседовали, обсуждали Ра, какой он стал большой и умный. Все это время Ра ждал Саломею, он думал, что она вот-вот покажется, но ее всё не было.

– Почему Саломея не приходит, мама? – спросил он Мару.

С лица матери мигом исчезла радостная улыбка, и Ра сразу это заметил.

– Что случилось, мамочка? – снова встревоженно спросил мальчик.

– Сынок, я не хотела говорить тебе и причинять боль... Саломея очень больна! – она помолчала, а потом, нагнувшись к Ра, шепнула: – Никто не может ей помочь, говорят, что она не выживет...

В сердце Ра будто что-то оборвалось. Он любил Сало-

мею, ведь она такая добрая, красивая и умная девочка! Нет, она не должна умереть!

– Андрей, – прокричал он, подбегая к учителю, – Саломея больна, говорят, что она не выживет! Может быть, Андрей...

Андрей знал от Ра, кто такая Саломея и что она очень нравилась мальчику, и он даже собирался на ней жениться, когда вырастет. Андрей не дал Ра договорить:

– Ты любишь Саломею? Так спаси ее, вылечи!

Ра был ошеломлен таким ответом, он же не знал, как это сделать!

– Я должен ее вылечить?! – мальчик надеялся, что Андрей сам осмотрит Саломею и назначит лечение. – Но как же я смогу это сделать?

– Ты любишь Саломею, и потому только тебе под силу спасти ее. Другие здесь не смогут помочь, потому что ты больше всех её любишь. И то, как ей помочь, сможешь узнать только ты один, а я этого не знаю.

Ра понял, на что намекал Андрей. Тот говорил: закрой глаза и действуй так, как там увидишь. Всё это время, пока шел разговор, рядом стояла Мара. Но она не понимала, о чем говорят Андрей и Ра, и не знала, что сын был наделен удивительным даром – даром предвиденья. И еще больше она удивилась, когда Ра закрыл глаза и уткнулся лицом в грудь Андрея. Спустя минуту он прошептал:

– Это правда, что я увидел?

– Ты видишь только правду, – спокойно ответил учи-

тель, – поспеши!

Ра попросил маму, чтобы она проводила его к Саломее.

Когда они вошли в затемненную комнату, где лежала больная девочка, то услышали тихий плач женщины, это мать Саломеи оплакивала еще живую дочь.

В комнате почти ничего не было видно. Дневной свет, проникающий через узкую щелку приоткрытой двери, не мог побороть темноту. Ра почувствовал, в каком углу стояла кровать Саломеи. Скорее даже не почувствовал, а увидел слабое синее сияние, которое исходило от лежащей девочки. По тому, что Мара стояла у входа, не решаясь сделать шаг в темноту, Ра понял, что она не видит это синее сияние Саломеи. Девочка будто горела синим огнем, а рядом, никого не замечая, сидела её мама и плакала.

Ра подошел к кровати, стал на колени, взял руку Саломеи в свою, а другую руку положил ей на пылающий лоб.

– Саломея, – шепнул он девочке, – это я, Ра!

Саломея не ответила, однако, сияние усилилось.

– Саломея, – продолжал он нашептывать, – попроси Того, Кого ты сейчас видишь, пусть Он подождет. Скажи, что я тебя не отпускаю, потому что очень Люблю... Слышишь, Саломея, попроси Его очень!

Синее сияние усилилось еще больше. Было удивительно, что ни Мара, ни мать девочки не замечали, не видели его. Ра нагнулся к лицу Саломеи и поцеловал ее в губы, горящие синим, фиолетовым огнем. Это был первый поцелуй Ра –

нежный, добрый, полный любви и сострадания. Ра как будто впитал, вобрал в себя болезнь Саломеи и уничтожил её своей любовью. Девочка открыла глаза.

– Дай мне воды, мама! – слабым голосом произнесла она.

Мать оцепенела от неожиданности, ведь ее милая дочка уже давно не разговаривала! И вдруг, о чудо, она заговорила!

– Сейчас, доченька, сейчас, моя родная!

– А почему здесь так темно? Введи меня на свет, мамочка! – проговорила Саломея, и Ра показалось, что голос ее чуть-чуть окреп.

– Сейчас-сейчас, мое солнышко! – счастливым, дрожащим от радости голосом отвечала мать, но она была так потрясена случившимся, что не могла сдвинуться с места.

– А где Ра?

– Он здесь, Саломеюшка!

Мама девочки никак не могла прийти в себя от счастья, поэтому первой на помощь к Саломее пришла Мара. Она помогла ей встать с постели и вывела во двор. Саломея при виде такого прекрасного дня оживилась, заулыбалась... и болезнь навсегда исчезла!

– Почему я лежала, когда на улице так хорошо? – заинтересовалась девочка.

– Ты была больна, доченька, ты была очень больна... при смерти... случилось чудо! Ты спасена чудом! – плакала мать Саломеи, и в голосе ее звучало благоговение к Господу Богу, Его восхваление.

Ра тихо шел вслед за Саломеей. Но это был уже не тот Ра, который совсем недавно вместе со сверстниками танцевал и пел во дворе своего дома. Это был Ра, полный веры, Ра, сумевший своей любовью победить Смерть! В тот миг, когда он нежно прикоснулся к губам девочки, тут же почувствовал, что болезнь уходит, оставляет Саломею! Теперь он поверил в себя, понял, что люди с помощью огромной силы, которую называют Любовью, могут творить великие чудеса!

– Приход Ра спас мою дочку! – повторяла мама Саломеи, однако, она вовсе не была убеждена в том, что это так и было на самом деле. Ра и Мара, по ее мнению, пришли именно тогда, когда должно было свершиться чудо, и они просто стали свидетелями этого чуда.

– Ну, где же, где же Ра? Ра, где ты? – с нетерпением воскликнула девочка и, услышав сзади себя шорох, резко обернулась. – Ра, милый Ра! Ты здесь! – и она бросилась к мальчику.

Пятилетняя девочка еле-еле доставала до плеча своего спасителя, она приподнялась на цыпочки и обеими руками обхватила шею Ра.

– Покрути меня, как тогда, помнишь?! – попросила она его.

Ра закрутился на одном месте, и Саломея, обхватившая руками его шею, взлетела вверх. Может быть, они взлетели бы вместе, но присутствие обеих мам сдержало их порыв. «Тише, тише, Ра!» – закричали две женщины в один голос.

Но дети не слышали их возгласов, ведь они наконец-то были вместе, были счастливы! Саломея смеялась так самозабвенно и радостно, что никто бы не поверил, что еще несколько минут назад она, тяжело больная, боролась со смертью. А Ра с любовью смотрел на девочку и радовался, что она рядом.

Когда же они все вместе вернулись во двор Мары, у соседей глаза расширились от удивления: произошло чудо, Саломея выздоровела! Поэтому в маленьком дворике еще с большей силой вспыхнуло веселье, и праздник продолжился. Только один Андрей не удивился выздоровлению девочки, в нем жила и ширилась вера в удивительного семилетнего мальчика, так непохожего на своих сверстников. Некоторое время спустя Андрей подошел к своему ученику и спокойно сказал:

– Время приступать к делу, пойдем.

Все соседи вышли на улицу провожать Ра и Андрея. Мара погрузнела, а Саломея опять бросилась обнимать мальчика, упорно повторяя:

– Когда же ты еще придешь, Ра? Когда ты еще придешь?

От собравшихся людей отделилась одна старая женщина, которую все в округе звали «бабушкой». Она подошла к Ра и громко, чтобы все услышали, сказала:

– Ты – Ра, а отца твоего звали Амоном. Мы любили храброго и доброго Амона, и так же мы любим тебя, потому что ты очень отважный и славный мальчик. И пускай с сегодняшнего дня все называют тебя Амон-Ра... Пусть станет

твоим именем Амон-Ра!

– Амон-Ра, Амон-Ра! – в знак одобрения закричали люди. Все, взрослые и дети, охотно восприняли это новое имя Ра.

Мара тоже была рада новому имени сына. Она одна пошла провожать его и Андрея до конца улицы и, когда прощалась с ними и обнимала Амон-Ра, украдкой спросила:

– Сынок, это ты вылечил Саломею?

– Саломея выздоровела, мама! Она долго будет жить! – ответил ей Амон-Ра.

Мара поняла, что сын больше ничего не скажет.

Глава 7

Ра любил по ночам долго-долго думать и разгадывать таинственные явления. При тусклом свете свечей он изучал настенные картины своей пещеры, стараясь понять их скрытый смысл. Он прочел все тексты, которые Андрей написал для него на стенах, но только прочесть их было недостаточно, и Амон-Ра это хорошо понимал. Поэтому мальчик осмысливал каждое слово, пытался углубиться в них и расшифровать. Всё это требовало долгих размышлений.

«Ночь придумана не для того, чтобы закрыть глаза и заснуть, – думал Амон-Ра, – по ночам лучше думается и можно читать книги. Вот, например, Андрей по ночам много работает, проводит разные опыты и пишет книги, создает рукописи. Я и во сне должен трудиться, а для этого надо перед сном подумать о тех вопросах, на которые ищу ответы. А ответы придут во сне. Ведь когда человек спит, то его ничто не отвлекает от мыслей. Размышлять – значит искать. Кто ищет, тот и находит, так учит Андрей. А ищет тот, кто мыслит».

Сегодня Андрей и Амон-Ра после похода в Город вернулись домой, в горы. Каждый был полон впечатлениями прошедшего дня, и каждому нужно было осмыслить то, что произошло. Задачей для Андрея было научить Амон-Ра верить в себя. Он внушил мальчику веру, и тот спас Саломею. «Ка-

кая сила кроется в этом маленьком мальчике! И чему я должен его еще научить? – раздумывал Андрей. – Мне надо обязательно это понять, и как можно быстрее».

А Амон-Ра не обратил никакого внимания на свои особые способности. Он совсем ничему не удивился, не возгордился, а просто забыл о том, что сумел сделать. Амон-Ра чувствовал, что в нем пробудилась вера, однако, никакого превосходства перед другими не испытывал. Главное для него было то, что Саломея выздоровела, встала на ноги, обхватила его шею руками и попросила покрутить ее. Он с радостью вспоминал милое лицо Саломеи, в ушах звенел её счастливый смех. Конечно, он любил эту девочку и считал своей невестой.

Задача, с которой мальчик вернулся в пещеры, заключалась совсем в другом. Всю дорогу Амон-Ра думал о камне-письме. «Действительно ли мне принадлежит этот камень или кому-то другому? И о чем говорится в письме?» – такие мысли не давали покоя Амон-Ра. Размышлений одной ночи для решения этой задачи, конечно, не хватит. Не хватит размышлений и многих других ночей. Амон-Ра понимал это, однако, откладывать это дело на потом, например на завтра, не хотел. «Приступай к делу!» – вдруг услышал он внутри себя голос Андрея.

Амон-Ра поставил перед собой семь зажженных свечей и начал разглядывать белый камень, на котором играли маленькие огоньки света. Вначале его внимание привлекли ли-

нии: «Куда они устремлены – вверх или вниз? И правильно ли я держу камень?» Он повернул камень, но, казалось, правильно было и так, и этак. Подумав, Амон-Ра все же вернул камень-письмо в прежнее положение. Из нижней грани камня линия неровно направлялась вверх и там разветвлялась на две части, на две линии. Та, что шла левее, непрерывно поднималась вверх, всё более отдаляясь от другой, от правой линии. Потом она неожиданно круто поворачивала и возвращалась обратно, но уже прерывисто, как будто превращаясь в капельки дождя, и исчезала в середине камня.

Правое же ответвление, пройдя короткий путь, вдруг обрывалось, а затем, как бы пройдя через подземный ход, появлялось опять и направлялось вверх, к другой кромке камня. С помощью маленькой палочки Амон-Ра проследил движение линии. Линия прошла эту верхнюю грань и перешла на другую сторону. Мальчик перевернул камень, там линия устремлялась резко вверх, становясь все тоньше и бледнее, и, наконец, совсем исчезала, растворяясь в белом пространстве камня.

«Неужели эти линии что-то означают? – подумал Амон-Ра. – И что же они могут мне сообщить?» Он приложил камень к уху и прислушался. «Скажи мне, ты мой камень или чужой? Андрей сказал, что камни умеют говорить... Заговори со мной, пожалуйста!» – мысленно упрашивал Амон-Ра камень-письмо, но тот молчал.

«Хочешь ли ты узнать, какой может быть речь камня? –

вдруг услышал мальчик внутри себя спокойный шепот учителя. – Но ты же знаешь, что этот камень сам не может проносить какие-нибудь звуки и слова. Он принес тебе линии и знаки, которые ты должен разгадать, чтобы понять содержание письма. Только так заговорит с тобой камень».

Амон-Ра хорошо знал, что Андрей сейчас находится в своей лаборатории и проводит опыты. Но мальчик привык, что когда он размышлял или думал над трудным вопросом, то время от времени слышал голос Андрея, будто тот нашептывал ему на ухо. И всегда этот голос помогал найти правильный ответ. Вот и сейчас Ра не удивился этому шепоту. Он сразу же послушался совета учителя, поднес камень поближе к свечам и начал с еще большим вниманием разглядывать знаки. «Открой мне свою тайну! Открой мне тайну, пожалуйста!» – беззвучно умолял Амон-Ра камень, не отрывая взгляда от начертанных знаков.

В этом усердном старании он и не заметил, как уснул, крепко прижав камень к сердцу.

Уже всходило солнце, когда Андрей разбудил его.

– Пора приступать к делу, – сказал он.

– Андрей, я не могу понять то, что здесь написано! – воскликнул Амон-Ра.

– Не волнуйся, ты обязательно поймешь, – спокойно ответил ему учитель.

Он протянул мальчику кусок хлеба и чашу с молоком.

– Позавтракай и приходи ко мне в лабораторию!

Амон-Ра мигом проглотил свой завтрак. Спешил он вовсе не потому, что был голоден, а потому, что ему очень не терпелось скорей пойти в лабораторию Андрея. Лаборатория была единственным местом, куда Амон-Ра никогда не заходил. Он только один раз заглянул туда, когда Андрей ему показывал пещеры. Тогда учитель сказал: «А здесь моя лаборатория, я провожу в ней свои опыты». С тех пор прошло полгода, и за это время Андрей больше ни разу не разговаривал с Амон-Ра о той пещере и о том, чем он там занимается.

Мальчик побежал к водоему, который был устроен Андреем. Он прыгнул в холодную воду и из каждой частицы тела выгнал сон. Через несколько минут Амон-Ра, свежий и одетый в чистую одежду, уже стоял у входа в лабораторию. Он постучал и заглянул внутрь, ожидая разрешения войти.

– Войди, – тихо пригласил Андрей.

Амон-Ра вошел и стал рядом с ним. Лаборатория, освещенная множеством свечей, была заполнена неизвестными мальчику устройствами, и Амон-Ра сразу захотелось задать Андрею множество вопросов. Вот, например, почему эти глиняные сосуды имеют такую странную форму, и почему они соединены друг с другом? Или же что за огонь горит в чаше фиолетовым пламенем? Что это за засохшие цветы и растения, что за обломки камней, которые так блестят и переливаются при свете свечей? Зачем Андрей кипятит в горшке какую-то приятно пахнущую жидкость? И еще огромное количество вопросов пронеслось в голове Амон-

Ра. Хотя любопытство мальчика не знало границ, однако, сила его терпения была тоже безгранична. Он знал, что учитель объяснит ему всё последовательно, постепенно. Андрей обязательно поможет ему осознать и понять сложные процессы, научит всему тому, что умеет и знает сам. Именно поэтому Амон-Ра не стал задавать никаких вопросов, а молча наблюдал за движением рук учителя. В это время Андрей с помощью большой деревянной ложки зачерпнул из банки какую-то жидкость, влил ее в сосуд, стоящий на огне, и из него вырвался горячий пар.

– Возьми с полки зеленую баночку и дай её мне, – сказал Андрей Амон-Ра.

Амон-Ра быстро нашел нужную баночку и поднес учителю.

– Теперьними крышку... Видишь, внутри маленькая ложечка, достань ею порошок.

Мальчик выполнил поручение.

– Насыпь в этот сосуд...

Андрей, не переставая, ритмично мешал содержимое.

– Главное, чтобы не подгорело, надо кипятить на сильном огне, но нельзя, чтобы пригорела масса. Ты можешь так мешать?

– Я попробую! – ответил Амон-Ра и взял в руки ложку.

– Учти, мешать придется долго. Жидкость сначала должна загустеть, а потом высохнуть. То, что останется, надо будет подержать некоторое время на солнце и хорошо измельчить.

Я пока буду готовить масло, а ты начинай мешать, да не спеши, не торопись.

Начатое утром дело Амон-Ра закончил только в полдень. К концу работы пальцы правой руки сильно болели, так как он обжег их паром. На них появились болезненные волдыри, а в некоторых местах даже слезла кожа. Но мальчик почти не замечал боли, он только радовался тому, что смог выполнить порученное задание и учитель, проверив порошок, остался доволен.

– Теперь насыпь порошок в эту чашу, только не сразу, а медленно, – сказал Андрей своему ученику.

В чаше уже находилась приготовленная густая желтая смесь, похожая на масло. Амон-Ра маленькими порциями сыпал в эту чашу порошок, а Андрей аккуратно перемешивал его с маслом. Так работали они еще около часа, пока смесь не загустела. Андрей разложил её по маленьким баночкам и протянул одну из них Амон-Ра.

– Это непревзойденная мазь. Она лечит раны, ушибы, ожоги, язвы, хорошо снимает боль. Попробуй, смажь свои пальцы, и ты увидишь всё сам.

Амон-Ра достал небольшое количество мази, смазал израненные пальцы и в тот же миг почувствовал, что боль уходит, а волдыри буквально на глазах исчезают. И уже через десять минут ничего не напоминало мальчику о пораненных руках.

– Ну вот, теперь ты знаешь, какая это замечательная мазь, – проговорил Андрей. – Иди сейчас в Город, походи

по улицам, и если заметишь, что кто-то страдает от язв, боли или ран, то помоги ему с помощью этой мази.

Амон-Ра с радостью принял поручение учителя и бегом помчался в Город.

Глава 8

Ребята играли на окраине Города. Они бегали, смеялись, прыгали друг через друга. Амон-Ра оглядел играющих детей и увидел высокого длинноногого мальчишку, у которого лицо было усыпано маленькими, плохо заживающими язвочками. «Ему нужна моя помощь», – подумал Амон-Ра и только хотел подойти к нему, как вдруг случилась беда. Один мальчик, которого все звали Иорамом, сильно разогнавшись, мчался, чтобы перепрыгнуть через своего товарища. Ребята дружно подбадривали его: «Давай, давай, не промахнись!» Иорам взлетел в воздух и вот-вот должен был оттолкнуться от спины согнутого друга, чтобы перепрыгнуть через него, как тот вероломно подвел его – опустился до земли, скользнул в сторону и оставил Иорам без опоры. Взлетевший и потерявший опору Иорам рухнул на землю и голыми коленями проехал по пыльной, усыпанной мелкими камнями дороге.

Амон-Ра вспомнил наставления Андрея, его слова о том, в каких случаях помогает мазь. Но учитель ничего не говорил, можно ли ею мазать огромные раны, когда кровь льется ручьем, а мясо свисает клоками, оголяя белые кости. А именно такая картина и предстала сейчас перед глазами Амон-Ра. Кровь лилась ручьем из изувеченных колен Иорам, забрызгивая все вокруг. Пострадавший мальчик выл от боли, из глаз его катились огромные слезы. А преда-

тель сначала было засмеялся своей «шутке», но потом, увидев, что его никто не одобряет, а некоторые даже дали ему увесистые подзатыльники, сник и стал извиняться. Ребята окружили пострадавшего. Амон-Ра оказался впереди всех и начал успокаивать мальчика.

– Не бойся, Иорам. Сейчас я сниму твою боль... Не плачь, не плачь, Иорам...

Некоторые ребята узнали Амон-Ра, но большинство из них его не знали.

– А ты кто такой? – возмутился один из ребят, которого все звали Большим Мальчиком. Он и впрямь был как внешне, так и по возрасту больше и старше остальных. – Убирайся отсюда! Мы сами ему поможем! Ишь, нашелся лекарь!

Большой Мальчик ткнул ногой в бок сидевшего возле Иорама Амон-Ра и свалил его. Амон-Ра неловко упал и ободрал себе локоть. К ране пристала грязь и мелкие камни. Амон-Ра спокойно поднялся, как будто и не ушибся, не обиделся, опять подошел к пострадавшему мальчику и повторил:

– Ты, главное, не бойся! Я сейчас вылечу твои ноги!

– Откуда тебе знать, как лечить! – еще пуще разозлился Большой Мальчик и собрался дать еще один пинок Амон-Ра.

Но Амон-Ра вовсе не собирался ссориться с Большим Мальчиком. Перед ним стояла совсем другая задача – помочь Иораму, и Амон-Ра должен был обязательно с этой задачей справиться. И, прежде чем Большой Мальчик нанес

повторный удар, Амон-Ра успел схватить его ногу и задержал в воздухе. Такого драчун не ожидал! Он хотел освободить ногу, но никак не мог, ведь Амон-Ра крепко держал её на весу, и поэтому Большому Мальчику приходилось подпрыгивать на одной ноге, чтобы не упасть. И это было такое смешное зрелище, что ребята дружно расхохотались. Было видно, что они радовались такому повороту дел, потому что недолюбливали Большого Мальчика за высокомерие и драчливость. Все громко смеялись над наказанным задирой, хотя Амон-Ра вовсе и не собирался его наказывать таким образом, а просто хотел, чтобы ему не мешали.

– Ты дашь мне или нет вылечить Иорама?

– Отпусти мою ногу, недоносок! – закричал Большой Мальчик и обругал Амон-Ра грязными словами; его раздражала смелость этого маленького «сопляка».

– Если ты не дашь мне помочь Иораму, то твою ногу я скручу вот так! – спокойно сказал Амон-Ра и чуть скрутил ему ногу.

– Ну, ну, эй ты! Я тебе покажу!.. Отпусти сейчас же! – кричал грозным голосом Большой Мальчик.

– Потом покажешь! А теперь скажи, скрутить тебе ногу еще или ты отстанешь от меня? – спросил Амон-Ра, держа ногу обидчика, но при этом, не давая ему упасть.

Большой Мальчик почувствовал силу рук Амон-Ра и понял, что тот может не только скрутить или свернуть, но и повредить ногу, если захочет. Большой Мальчик буквально

лопался от злости, но в то же время был сильно напуган.

Ребята торжествовали. Было ясно, что Большой Мальчик многим портил жизнь, пугал и издевался над ними, обижал более слабых. А теперь этот маленький, ничем не выдающийся мальчик отомстил за них, да еще как!

– Хорошо, хорошо! Только отпусти! Посмотрим, как ты вылечишь его! – шипел Большой Мальчик.

– Тогда пойди и принеси кувшин воды, чтобы промыть пораненные колени! – строго произнес Амон-Ра, и Большой Мальчик, подчиняясь непонятной силе, покорно побежал за водой.

Тем временем Иорам немного успокоился. Зрелище его тоже развеселило, и он даже временно забыл о боли. А Амон-Ра не чувствовал свой ободранный локоть, из которого сочилась кровь, у него болел не локоть, а колени Иорама.

Большой Мальчик принес кувшин с водой, но внутри у него буквально все кипело от раздражения и злобы. «Вот уж я порадуюсь, если от этого лечения Иораму станет еще хуже! – думал он. – Тогда я за всё отомщу этому выскочке!»

А Амон-Ра оторвал от своей рубашки рукав, намочил в воде и осторожно промыл Иораму колени. Ребята, затаив дыхание, следили за движениями маленького врача, такими неспешными, но уверенными. Те, которые были впереди, даже присели, чтобы лучше всё видеть. На колени было страшно смотреть, и всем казалось, что Иорам теперь очень дол-

го не сможет ходить, а тем более бегать. Могли ли быстро зажить эти страшные раны? Иорам стойко переносил сильную боль, пока Амон-Ра промывал раны, смывал грязь и накладывал куски болтавшегося мяса на свои места. Мальчику тоже не верилось, что Амон-Ра сможет ему помочь, но... «Смотрите, у него даже мазь есть!» – удивились ребята, когда Амон-Ра достал из сумки маленькую глиняную баночку. Он снял с баночки крышечку, указательным пальцем правой руки взял немного мази и смазал нежно и осторожно колени пострадавшего. Не прошло и минуты, как Иорам радостно воскликнул:

– Не болит! Боль исчезла!

– Врешь, болит! Не обманывай, так не бывает! – пригрозил Большой Мальчик. – Как может не болеть, когда видна кость!

– Ребята, я боли не чувствую, совсем не чувствую! – повторял Иорам.

«Удивительно, какую силу имеет эта мазь! И как важно, чтобы сейчас же, на глазах у всех, вылечился Иорам! Тогда все поверят, что мазь Андрея действительно имеет чудодейственную силу!» – думал Амон-Ра, не отрывая взгляда от ободранных коленей мальчика. «Только одна моя мазь не способна излечивать раны, нужна еще обязательно твоя сила!» – услышал Амон-Ра голос Андрея. «Ну, какая во мне сила?! – удивился Амон-Ра и вдруг вспомнил, что смог вылечить Саломею силой своей сердечной Любви, силой сер-

дечного слова. – Может быть, именно на эту силу намекает Андрей? И если это так...»

И Амон-Ра, как перед больной Саломеей, призвал на помощь свое сердце, затем прикрыл колени Иорама ладонями и произнес слова, которые никто не мог услышать, потому что он их произнес в душе, и слова те были наполнены Любовью и Состраданием. Амон-Ра чувствовал, что вслух эти слова произносить было нельзя, ибо ребята, находившиеся рядом и пристально следившие за ним, не смогли бы их понять. Они, наверное, начали бы насмехаться над Амон-Ра, и тогда эти слова, наполненные и пропитанные светом любви, могли потерять свою силу. Кроме того, чувства бескорыстной любви и сострадания не могли уместиться в одних лишь словах. Поэтому Амон-Ра закрыл глаза и постарался отключиться от всего, что его окружало, и, наполнив прекрасными чувствами и мольбой свое сердце, он щедро делился этим с Иорамом, вливая силу в его колени.

Когда же он очнулся и открыл глаза, то увидел вокруг себя удивленные лица ребят, которые пристально смотрели на его руки и с нетерпением ждали, что же произойдет дальше с пораненными ногами. У Амон-Ра горели руки, ему показалось, что на коленях Иорама играют огоньки фиолетового пламени, исходящие из его ладоней. Только сейчас почувствовал Амон-Ра, что оба его колена страшно болят, и обрадовался этому... А Иорам спокойно и блаженно улыбался, на лице его играла счастливая улыбка. Амон-Ра медленно поднял

руки...

– Ребята, что это такое?! Чудо, чудо произошло! – воскликнул один из мальчишек, который чуть ли не носом касался колен Иорама. – Исчезли раны! Совсем исчезли раны!

Все двинулись вперед, вытянув шеи, чтобы получше рассмотреть. Сзади стоящие пробирались поближе к Амон-Ра и Иораму, только бы собственными глазами увидеть это чудо. Амон-Ра тоже взглянул на колени, на которых еще недавно зияли страшные раны: никаких следов ран и даже шрамов на них не было! Только на одном месте остался маленький-маленький рубец, как память о совершенном им чуде.

– Встань! – приказал Амон-Ра Иораму.

Но озадаченный, удивленный случившимся Иорам не мог двинуться с места. Он всё смотрел и смотрел на свои ноги и даже иногда щипал себя, проверяя, не спит ли он? Убедившись, что не спит, Иорам шепотом спросил:

– Кто ты? Откуда пришел?

Амон-Ра не ответил, но тут заговорили вместо него ребята:

– Он сын рыбака. Его зовут Амон-Ра!

– Он Ра, и еще его Амоном прозвали!

– Он тот, кто вместе с отцом в море рыбачил, а море разбушевалось, и отец погиб! А он остался в живых!

– Он вместе с Философом живет. И тот его чтению и наукам обучает!

– Он живет в пещере!

И каждый говорил то, что сам знал об Амон-Ра или слышал о нём от других.

– Ты и есть Амон-Ра? – спросил Иорам.

– Встань, если можешь! – повторил ему Амон-Ра.

– Могу, конечно, могу! – весело воскликнул Иорам, с легкостью вскочил на ноги, несколько раз согнул и разогнул их в коленях, а затем начал прыгать вокруг своего доктора.

– Я вылечился! Я здоров! – радовался мальчик.

Амон-Ра же поднялся с трудом, потому что боли Иорама перешли в его колени. Большой Мальчик в это время смотрел змеиным взглядом на пляшущего Иорама. Он был бы очень рад, если бы Иорам остался калекой на всю жизнь, тогда можно было пинками бы прогнать этого лжецелителя. Однако на его злобный вид и недовольное шипение никто не обращал внимания.

– А теперь ты подойди ко мне! – обратился Амон-Ра к мальчику, лицо которого было усыпано язвами. – Хочешь, я избавлю тебя от этих язв?

Мальчик с доверием подошел к нему и, так как он был очень высок и Амон-Ра не мог дотянуться до него, присел на корточки.

– Уже год, как мучают меня эти язвы! – сказал он Амон-Ра и, подумав, добавил: – А ты можешь меня вылечить?

– Вылечу, только не сразу! – с уверенностью ответил маленький лекарь. – Через три дня язвы исчезнут, и лицо станет чистым.

Амон-Ра опять вынул свою глиняную баночку и смазал гнойные язвы на лице подростка. Но Амон-Ра не просто смазывал раны, а передавал страдающему мальчику всю свою любовь и сострадание.

– Значит, через три дня? – с надеждой в голосе спросил мальчик.

– Да, через три дня ты будешь здоров. И следа не останется от этих язв, ты только обязательно верь и жди.

Амон-Ра встал, выпрямился и лишь теперь заметил, что среди собравшихся вокруг него ребят он был самым младшим по возрасту и самым маленьким по росту. Он положил волшебную баночку в сумку и раздвинул круг мальчишек.

– У тебя из локтя кровь течет, он сильно ободран. Помажь его мазью, чтобы зажил! – сказал ему кто-то.

– Нет! – ответил резко Амон-Ра.

– Почему? – удивились ребята.

– Боюсь, что мази не хватит для других, которым нужна помощь больше, чем мне. До свидания!

И он, не оглядываясь, прошел мимо ребят, провожающих его долгими восхищенными взглядами. Он уже прошел почти всю улицу, когда сзади послышался шум.

– Не смей, не смей этого делать! – кричали кому-то мальчишки.

– Эй, целитель! – окликнул Амон-Ра Большой Мальчик. Амон-Ра обернулся.

– Целитель! Скоро ты сам будешь нуждаться в помощи! – крикнул ему Большой Мальчик и со всей силой бросил камень.

– Что же ты наделал!!! – возмутились ребята. – Что же теперь будет?

Но камень уже летел в сторону Амон-Ра и, когда уже проделал половину пути, вдруг как будто на несколько секунд застыл в воздухе и готов был упасть на землю. Все с напряжением следили за полетом камня, особенно Большой Мальчик. Он, как только заметил, что камень может не достигнуть цели, злобно закричал:

– Давай, ну, давай, не останавливайся! Давай же!

Приостановившийся было в воздухе камень стрелой продолжил свой путь. Но Амон-Ра даже и не попытался отойти в сторону или уклониться от камня. А камень беспощадно, со всей заложенной в него злобой буквально вонзился ему в лоб. У мальчика потемнело в глазах, он пошатнулся и упал.

Когда Амон-Ра пришел в себя, то увидел вокруг себя обеспокоенные лица уже знакомых ребят. Они тесным кольцом окружали его, тревожно шептались, а некоторые из них пытались помочь ему встать. Один же, это был Иорам, рукой очищал от песка лоб и лицо своего врача, который совсем недавно помогал ему самому. Только одного Большого Мальчика не было среди них. Он стоял на другом конце улицы и злорадствовал:

– Оставьте его! – кричал он ребятам. – У него есть мазь,

пусть сам себя и вылечит!

Мальчики помогли Ра встать, отряхнули его одежду.

– Ты смажь своей волшебной мазью лоб, пожалей себя! – сказал тот же самый мальчик, который недавно уговаривал Амон-Ра вылечить пораненный локоть.

– Нет, – твердо ответил Ра, – другим не хватит!

Ра совсем не озлобился на Большого Мальчика и не почувствовал к нему чувства мести. Он только проверил, не разбилась ли в сумке маленькая глиняная баночка, и успокоился.

– Смотри, какой большой камень бросил в тебя тот злодей! – указал мальчик с язвами на валявшийся у ног Амон-Ра плоский камень.

Амон-Ра поднял камень и удивился: на нем были выведены странные линии и знаки, похожие на те, что были начертаны на его камне-письме. «Это же тоже камень-письмо! – подумал мальчик и заволновался: – Может быть, Большого Мальчика надо догнать и сказать, что этот камень, возможно, и есть его письмо? Может быть, объяснить ему, как важно прочесть свой камень-письмо?» Ра уже собрался побежать за Большим Мальчиком, чтобы все ему рассказать, но голос сердца остановил его: «Эти ребята подумают, что ты погнался за своим обидчиком, чтобы отомстить ему! А Большой Мальчик вообще ничего не поймет из твоего рассказа, он только поднимет на смех тебя и твою сказку о камне-письме! Спроси у Андрея, как быть». Амон-Ра достал из-

под рубашки мешочек, который всегда висел на шее и в котором лежал его камень-письмо, раскрыл этот мешочек, опустил туда камень, брошенный Большим Мальчиком, и вновь спрятал его под рубахой.

– До свидания! – сказал он ребятам и продолжил путь.

Иорам догнал его и спросил:

– Можно, я пойду вместе с тобой? Если будет нужно, я помогу тебе!

– Как знаешь! – ответил Амон-Ра.

Глава 9

Золотых дел мастер Захарий сидел перед своей мастерской, опустив голову на колени. Амон-Ра никогда не приходилось даже разговаривать с ним, но сейчас, проходя мимо, он почему-то очень пожалел этого старика. Амон-Ра и Иорам подсели к нему с разных сторон. Ювелир поднял голову и посмотрел на них; узнав Амон-Ра, он улыбнулся.

– Хороший ты мальчик! – сказал он ему ласково.

– Откуда ты знаешь? – спросил Амон-Ра.

– Ты хороший мальчик, потому что сел рядом со мной!

– Просто мне кажется, что тебя что-то мучает! Может быть, сильно болят руки?

– Откуда ты догадался? Тебе кто-то сказал? – удивился мастер.

– Нет, никто. Просто я вижу твои руки. Не обжег ли ты их?

Золотых дел мастер горестно вздохнул:

– Эх, я действительно сильно обжег обе руки и уже больше месяца не могу работать. Я не знаю, смогу ли еще когда-нибудь что-то сделать своими руками! Но почему тебя беспокоит мое горе?

– Потому что ты известный мастер, у тебя всегда были «золотые» руки! И ты добрый человек! – Амон-Ра немного помолчал, а потом продолжил: – Я помогу тебе! У меня с собой есть мазь, ее приготовил Андрей, она обязательно тебе

поможет. Покажи мне свои руки.

Захарий протянул обе руки...

– Посмотри на них, ну какой мазью можно их вылечить? – сказал он с болью.

«Ой-ой, что же стряслось с этим добрым человеком?» – подумал Амон-Ра, увидев руки мастера. Ладони Захария были покрыты ужасными гнойниками, с пальцев содрана кожа, а ногти еле держались на своих местах. У Амон-Ра сжалось сердце от боли и сострадания. «Если Захарий потеряет свои чудесные руки, то как же он будет творить красоту? – размышлял он. – Бедный, бедный Захарий! Больше месяца он вот так сидит около своей мастерской, ждет, надеется, что руки его станут снова здоровыми, и он снова сможет творить ими красоту! Надо сейчас же исцелить эти чудесные руки! Как хорошо, что я сберег баночку с мазью и еще имею немного сил для того, чтобы помочь мастеру!» Такие мысли быстро проносились в голове Амон-Ра.

Он попросил Иорама подержать глиняную баночку, а сам двумя пальцами достал из нее мазь и щедро смазал ею ладони, пальцы и ногти Захария. Он истратил все, что еще оставалось в баночке. Затем так же, как когда-то лечил колени Иорама, закрыл глаза, ладонями накрыл руки мастера и наполнил свое сердце великой Любовью и Состраданием. В этом прекрасном чувстве было все: и жалость, и вера, и надежда. И этот сгущенный поток светлых чувств Амон-Ра направил в больные руки Захария, а сам погрузился в себя,

свое внутреннее «Я».

Сквозь темноту мальчик нашел руки ювелира, вот они здоровые и крепкие. Амон-Ра увидел, как эти руки плавят золото, выводят из него тонкие, ажурные нити, а затем неясно и осторожно вплетают в них драгоценные камни. А камни, поощренные лаской и добротой, начинают блестеть, играть, переливаться всеми цветами. И постепенно всё изделие принимает облик восходящего солнца. Амон-Ра, наблюдающий за этим чудесным превращением, удивился волшебному, сказочному блеску, исходящему от прекрасного изделия. Мальчику даже показалось, что на ладонях Мастера покоится не редчайшей красоты ювелирное изделие, а настоящее солнышко, которое освещает и согревает все вокруг. «Вот оно чудо», – подумал Амон-Ра. Он восхищался и преклонялся перед мастерством Захария, перед его редкой способностью создавать сказку и дарить её людям.

Ювелир Захарий тихо сидел и с удивлением наблюдал за действиями маленького мальчика. Если честно, то Захарий и не надеялся, что его руки могут исцелиться. «Дети, наверно, играют в целителей или просто разыгрывают меня», – думал мастер, глядя на ребят. Но он почему-то всё-таки доверился им. Может быть, это произошло потому, что ему больше не на кого и не на что было надеяться... Да, старый, умудренный жизнью человек, голова которого давно уж стала седой, поверил в ребят, и в его душе снова засветился маленький огонек надежды.

Захарий смотрел на Амон-Ра и вдруг заметил, что лицо мальчика изменилось. Ему даже показалось, что у Амон-Ра остановилось дыхание. Мастер забеспокоился и хотел было привести ребенка в чувство, однако Иорам, который понял намерения Захария, подал ему рукой знак молчать и сидеть не двигаясь. Ювелир успокоился, и ему почему-то тоже захотелось закрыть глаза, как сделал это Амон-Ра. Мастер задремал и погрузился в неожиданно сладкий сон. Он увидел во сне, как сбылась его мечта: будто бы он все-таки разгадал тайну движения лучей восходящего солнца, нашел и открыл магическую силу первой улыбки светила. И Захарий не просто это все увидел, а почувствовал, как он своими здоровыми руками из переплавленного золота плетет тонкие солнечные лучики, как оживляет их драгоценными камнями...

Сколько же длилось это блаженство мастера? Наверно, долго. Солнце уже клонилось к закату, когда Амон-Ра открыл глаза и опять заметил фиолетовые огоньки, исходящие из его рук и бегущие к ладоням и пальцам Захария. На этот раз мальчик догадался, где рождается этот огонь. Это был огонь сердца, огонь любви и сострадания, жалости и веры. Из сердца Амон-Ра бежали, спешили на помощь людям эти фиолетовые огоньки. Иногда они вспыхивали единым ярким пламенем, а иногда рассыпались прекрасными искрами или превращались в тонкие сверкающие нити. Именно этот огонь, это пламя, горящее в сердце Амон-Ра, и исцелило руки ювелира, вылечило колени Иорама, спасло от смерти Са-

ломею.

«Так вот, оказывается, где источник моей силы! Вот в чем моя сила!» – подумал мальчик. И хотя Амон-Ра был уверен, что руки Захария уже полностью исцелились, он все же не спешил убирать свои ладони с его рук до тех пор, пока языки танцующих фиолетовых огоньков, целующих руки мастера, совсем не утихли и не погасли. Амон-Ра чувствовал на своих ладонях сильное жжение и боль, которые он забрал себе от старого мастера. «Все, теперь Захарий спасен! – обрадовался мальчик. – Как, оказывается, он страшно мучился!»

Только теперь, когда боль перешла к Амон-Ра, он поднял свои руки и посмотрел на руки Захария. Иорам от удивления раскрыл рот: на коленях ювелира покоились чистые, здоровые, сильные руки, и никакого следа от страшных язв и гноя на них не было! Захарий по-прежнему был погружен в свой волшебный сон и потому не чувствовал, как ребята переворачивали, трогали его руки, рассматривая каждую морщинку. Потом они аккуратно уложили их на коленях хозяина и встали. Пустую баночку от мази Андрея Амон-Ра положил в сумку, дал рукой знак Иораму, что пора идти, и тронулся в путь. Они оставили спокойно спавшего золотых дел мастера у его мастерской, мысленно желая ему счастья и добра.

Глава 10

Иорам весело шагал впереди, насвистывая какую-то песенку. Он был рад тому, что помог Амон-Ра и стал свидетелем чуда, происшедшего с Захарием. Амон-Ра шел за ним с трудом, еле передвигая ноги. У него очень болели «колени Иорама», болел израненный локоть, беспокоил разбитый лоб, а теперь еще давали о себе знать и «руки Захария». Однако он прилагал все усилия, чтобы не отставать от Иорама и чтобы тот не заметил, как ему трудно идти.

Амон-Ра шел к маме и Саломее. Он спешил, потому что хотел повидаться с ними до того, как стемнеет, а затем вернуться в пещеры. Вот и его квартал. На улице играли знакомые ему дети. Среди всех голосов мальчик без труда уловил такой любимый звонкий смех Саломеи и поспешил туда, откуда он доносился. Саломея издали заметила спешащего к ней Амон-Ра и кинулась навстречу.

– Ра, Ра, Ра! – кричала она радостно.

Девочка бросилась к нему на шею, крепко обхватила её руками и поцеловала в щеку, а потом еще раз, еще, еще...

– Покрути меня, покрути! – смеясь, кричала Саломея.

У Амон-Ра куда-то сразу исчезли все боли в коленках и жжение в руках, его совсем не беспокоили разбитый лоб и ободранный локоть. Мальчик просто забыл обо всем на свете, он видел только одну Саломею, слышал только её

голос! Одного поцелуя девочки было достаточно для полного восстановления сил и энергии Амон-Ра, и он закружился, закружился, словно карусель, а ухватившаяся за него Саломея поднялась в воздух.

– Еще, еще! – радостно кричала она, и её глаза блестели от счастья.

И вдруг Амон-Ра почувствовал, что ему очень хочется взлететь вместе с Саломеей! Он даже и не заметил, что, оказывается, они оба уже кружатся в воздухе, словно легкокрылые бабочки, и поэтому Саломея так счастливо смеется!

На взлетевших выше домов и деревьев Амон-Ра и Саломею снизу смотрел Иорам и не верил своим глазам. Что это – видение или действительность? И что ему делать? Может быть, ему нужно кричать, звать на помощь: «Бегите, помогите детям, они в воздухе, они летают, они могут упасть!» А может, им не надо мешать?

Вскоре прибежали еще две девочки четырех или пяти лет. Увидев парящую над домами Саломею, они очень испугались и начали кричать:

– Саломея, что ты там делаешь? Спустись, Саломея! Ты же упадешь!

Но кружащаяся в голубом небе девочка смеялась и смеялась – звонко и радостно.

Спустя несколько минут Амон-Ра взял Саломею за руки, и они плавно опустились на землю перед изумленными девочками и Иорамом. Саломея была счастлива! Она целовала

и целовала Амон-Ра!

– Вы видели, я летала! Амон-Ра поднял меня в небо! Мы летали, вы же видели! – говорила она Иораму и девочкам с восторгом, а они в ответ только кивали головами, так как от удивления у них пропал дар речи.

А Амон-Ра тоже был доволен, хотя происшедшее его озадачило. Конечно, он хотел взлететь в небо вместе с Саломеей, но вовсе не ожидал, что действительно взлетит. «Может быть, мне это все показалось?» – почему-то подумал мальчик, но растерянное лицо Иорама убедило его в том, что всё произошло на самом деле. Иорам дрожащим голосом спросил:

– Амон-Ра, как ты взлетел в воздух? Кто тебя научил летать?

Но что мог ответить ему Амон-Ра? Он же никогда до этого не летал и никогда этому не учился! Он не знает, не помнит, как и почему взлетел.

В это время подошли женщины, которые в больших кувшинах несли воду. Они шли и тихо разговаривали. Среди них были мамы Саломеи и Амон-Ра. Завидев маму, Саломея опрометью бросилась к ней:

– Мама, мама, Амон-Ра поднял меня в небо! Мы только что летали!

К своим матерям подбежали и девочки, свидетельницы полета. Они наперебой кричали:

– Мама, Амон-Ра и Саломея летали в воздухе! Мы все ви-

дели!

– Мама, ты мне не веришь? Они летели как птицы!
Это правда!

Мара не обратила никакого внимания на детские крики. Она поставила на землю кувшин и прижала к груди сына, поцеловала и приласкала его. «Хоть бы мама не заметила, что у меня на лбу рана, да еще и локоть разбит! А то она забеспокоится, ей будет больно за меня!» – думал мальчик, прижимаясь к своей такой родной и любимой маме. Но вот прижала Мара к сердцу мальчика, расцеловала, погладила по пушистым детским волосам, посмотрела в глаза, но... ничего, совсем ничего не увидела! Амон-Ра только сейчас осознал, вспомнил, что и мастер Захарий тоже ничего не спросил по поводу разбитого лба. «Или все бесследно прошло, или они просто не заметили?» – удивился Ра.

– Как вы с Андреем там, в горах? – с заботой спросила мама. – Может быть, вам трудно? Как вы справляетесь со всем?

– Все хорошо, мамочка, не беспокойся обо мне!

– А чему Андрей тебя учит, сынок?

– Многому, мама, очень многому!

Амон-Ра не смог бы рассказать и объяснить маме, чему его научил Андрей. Ведь он научил мальчика таким вещам, о которых в Городе никто не знает и даже не подозревает об их существовании. Вот, например, сейчас Амон-Ра разгадывает тайну своего камня-письма, но как об этом рассказать? Есть вещи, о которых, как наставлял Андрей, пока

нельзя говорить, ибо это тайна. Очень трудно вот так сразу, на улице, рассказывать маме о том, что он уже познал. Поэтому Ра ответил маме коротко:

– Расскажу, мамочка! Только потом, сейчас не могу!

Дети, перебивая друг друга, рассказывали своим мамам, как летали в небе Амон-Ра и Саломея. Но мамы, конечно же, смеялись: «Хватит вам, – говорили они, – глупостями заниматься, вы ведь уже большие!» И чем больше горячились дети, чтобы убедить их в правдивости своих рассказов, тем больше тешились взрослые:

– Значит, они летали в воздухе? У них что же, крылья выросли, как у птиц? И они летали на этих крыльях? – дразнили они детей.

– Да, да, летали! – разозлилась одна девочка. – Не хочешь верить, ну и не верь! А они все равно летали в небе!

Мама же Саломеи забеспокоилась: не заболела ли девочка новой болезнью, и что это у нее за причудливые видения?

– Пошли домой, доченька. Дома обо всем расскажешь, и о полетах тоже... – уговаривала она Саломею.

Девочка подбежала к Амон-Ра и, глядя в его глаза, тихо спросила:

– Когда ты еще придешь? Когда мы еще летать будем?

Она поднялась на цыпочки и поцеловала его.

– Приду, приду обязательно! – пообещал мальчик.

Мама взяла Саломею за руку и повела за собой. Амон-Ра долго смотрел им вслед, пока они не скрылись за поворотом.

Остальные женщины вернулись к своим заботам, они взяли кувшины с водой и пошли домой, за ними убежали и две девочки. Мара стояла рядом с сыном и с нежностью смотрела на него, потом сказала:

– Пойдем домой!

– Нет, мама, я должен уйти!

Мара погрустнела. Она очень надеялась подольше побыть с Амон-Ра, ведь он не так часто приходил к ней, как этого хотелось бы.

– Ну, останься на ночь, сынок! Когда ты еще доберешься до пещер, ведь ночи сейчас безлунные, а уже стемнело! – уговаривала Мара.

Амон-Ра задумался. Ему захотелось посидеть рядом с мамой, уткнувшись в ее теплые, добрые руки лицом. Но сердце мальчика подсказывало, что надо спешить к учителю, что Андрей давно его ждет. Амон-Ра поцеловал маму в щеку и ответил:

– Нет, мамочка, я должен идти. Андрей давно ждет меня, он не говорил, что я могу остаться.

Мара опять прижала сына к сердцу.

– Раз так, то иди, сынок. Но будь осторожней! – Амон-Ра обнял мать и пошел по улице, Иорам последовал за ним. Глаза Мары, полные любви, провожали удалявшихся мальчиков.

Амон-Ра и Иорам некоторое время шли молча, первым нарушил молчание Ра:

– Иорам, чувствую, ты мне хочешь что-то сказать! – обратился он к своему спутнику.

– Возьми меня с собой! Возьми к Философу! – с мольбой в голосе попросил Иорам.

– Я не могу дать тебе ответ, надо спросить у Андрея, – ответил Амон-Ра. – До свидания, Иорам!

Иорам проводил Амон-Ра до окраины Города. Было уже совсем темно, и Ра сразу исчез из виду. «Как же он доберется до пещер в такой темноте? – подумал Иорам. – Неужели он не боится зверей?» Но Иорам не знал, что свой комок страха Амон-Ра давно погрузил в морскую пучину.

Глава 11

У Андрея горели свечи, он что-то писал. Услышав звук шагов, Андрей вышел на площадку с зажженной свечой.

– Ты опоздал... Как же ты шел в такой темноте? – заботливо спросил он своего ученика.

Амон-Ра улыбнулся учителю и быстро заговорил:

– Андрей, твоя мазь сотворила чудо!

– Подожди, не спеши. Давай сначала войдем в пещеру, посидим, а когда ты отдохнешь, то расскажешь мне обо всем по порядку, – остановил учитель мальчика.

Хлеб, сыр, молоко и фрукты – вот всё, что составляло ужин Андрея и Амон-Ра. Они быстро поели. Амон-Ра не терпелось поскорей рассказать учителю о том, как он сумел исцелить с помощью волшебной мази разодранные колени Иорама и обожженные руки Захария-мастера. Мальчик говорил быстро и восторженно, но при этом не забывал описывать даже малейшие подробности прошедшего дня.

Андрей внимательно выслушал рассказ Амон-Ра и задумался. Он, конечно, знал, что мазь здесь ни при чем, ведь не мазь, а Амон-Ра творил чудеса! А сам мальчик и не знает, какие в нем живут силы, какие возможности! Как же теперь ему сказать, что мазь вовсе не была чудодейственной, что это был просто благоухающий крем! Андрей нарочно заставил мальчика полдня работать в лаборатории, да еще показывал

ему всем своим видом, с какой осторожностью и в каких точных пропорциях надо готовить эту якобы лечебную мазь. Тем самым он хотел, чтобы Амон-Ра уверовал в целебные свойства мази и с этой верой лечил людей. Сегодня Андрей испытал веру мальчика, испытал силу его любви, сочувствия и доброты, испытал огонь его сердца. И этот огонь оказался мощным, горячим и ярким!.. «Нет, – решил Андрей, – я ничего не скажу ему, когда-нибудь он сам обо всем догадается, а пока пусть все будет по-прежнему».

В это время Амон-Ра рассказывал учителю о встрече с Большим Мальчиком, о неприятностях, которые этот мальчуган ему доставил, и о камне, брошенном Большим Мальчиком. Учитель взял камень, поднес к свече и стал внимательно рассматривать его, а затем с болью произнес:

– Это камень-письмо. И раз камень валялся под ногами этого Большого Мальчика, то, должно быть, он и принадлежит ему. Если бы он не был полон злобы, тогда камень наверняка понравился бы ему, и он взял бы его домой, а со временем, может быть, догадался о чем-то и даже смог бы раскрыть тайну письма! Знаешь, к чему ведут человека злость и ненависть? К тому, что он сам начинает разрушать свою собственную судьбу! Теперь пройдет много, очень много лет, пока этот камень-письмо опять найдет его, Большого Мальчика...

– Я понесу, сейчас же понесу ему этот камень! – загорелся Амон-Ра.

Однако учитель успокоил мальчика:

– Это лишние хлопоты, он уже отбросил от себя свой камень и этим выбрал свой путь. В этой жизни Большой Мальчик уже ничего не поймет из того, что написано в камне-письме. Ты можешь отнести ему камень, а он бросит его в другого человека, как бросил в тебя.

– Но что же тогда нам делать с этим камнем-письмом? – обеспокоился Ра.

– Делай то, что подскажет тебе сердце. Когда-нибудь камень сам пустится в длинную дорогу и найдет своего адресата. И нам остается только молиться, чтобы он, этот человек, не отбросил от себя свою судьбу так же, как сделал это сейчас...

Затем Амон-Ра рассказал Андрею о том, как он с Саломеей взлетел в воздух.

– Взлети и здесь, купол пещеры высокий, попробуй! – предложил учитель ученику.

Амон-Ра встал и начал крутиться, как крутился вместе с Саломеей, однако, у него ничего не вышло. Он даже не смог оторваться от земли, не то чтобы взлететь.

– Андрей, я сказал тебе правду, я летал! – смутился мальчик.

– Верю тебе, малыш, – спокойно ответил Андрей, – попытайся разгадать, как ты это сделал, чтобы потом всегда получалось.

Учитель был доволен сегодняшними успехами своего уче-

ника, надежды Андрея сбывались. Он провел рукой по лбу мальчика, снял засохшую кровь, затем потрогал пораненный локоть... Амон-Ра догадался, что это Андрей «стер» со лба оставшийся след от брошенного камня и исцелил раны на локте, но при этом почему-то он не использовал никакие мази! Амон-Ра уже был готов задать по этому поводу вопрос, но учитель опередил его:

– Сегодня ты много и хорошо потрудился, иди и отдохни, – поспешно сказал Андрей и пошел в свою пещеру.

Амон-Ра послушно последовал совету своего старшего друга и наставника.

Глава 12

Амон-Ра приснился сон, который совсем не был похож на все виденные ранее сны. А приснилось ему вот что...

Он исследовал камень-письмо, увеличенный в три раза, и потому на нем можно было хорошо разглядеть все линии и знаки. Рядом с камнем лежала открытая ладонь Амон-Ра, и на ней тоже были разные линии, которые делились, пересекались между собой. «Моя ладонь и мой камень-письмо как-то связаны друг с другом», – подумал он и начал тщательно рассматривать линии. «Да-да, я понял!» – обрадовался мальчик через некоторое время. Затем он углубился в изучение знаков. «Да, конечно, это именно так! Я все понял! – опять радостно воскликнул он. – Слава Тебе, Господи! Спасибо Тебе!» Тайна была почти разгадана! Теперь только нужно было с помощью найденного ключа заставить заговорить камень, но как это сделать? Амон-Ра приступил было к вычислению знаков, как перед глазами возник увеличенный образ камня Большого Мальчика. «Почему?! – удивился Амон-Ра. – Какое мне дело до чужого камня?» Он сравнил линии этого камня с линиями на своей руке и не нашел никакого сходства... Как он ни старался, он так и не смог вытеснить из сна камень Большого Мальчика. Амон-Ра пытался отодвинуть этот камень от своего, но тот опять перекрывал, накладывался сверху на камень Амон-Ра, не давал

возможности прочесть знаки... Наконец всё исчезло, Амон-Ра проснулся, а все разгаданные тайны остались во сне. Он только понял, что что-то знал о своем камне-письме, но что именно – не помнил. Всё исчезло, растворилось полностью, словно туман.

Было уже далеко за полночь. Амон-Ра так и не смог больше заснуть, он зажег свечу и осветил ею камень-письмо. Но не успел он что-то вспомнить, как вошел Андрей и сказал шепотом:

– Иди за мной!

Амон-Ра удивился голосу учителя: тот явно был чем-то взволнован. Амон-Ра быстро оделся и последовал за Андреем. Пройдя несколько пещер, они остановились перед входом в пещеру для ГОСТЯ. Амон-Ра еще ни разу не заглядывал туда, зная, что для учителя пещера эта была святым местом, она предназначалась для ЕДИНСТВЕННОГО ГОСТЯ. Андрей отодвинул висевший у входа тяжелый ковер и вошел внутрь, затем подал рукой знак Амон-Ра следовать за ним.

Они подняли свечи над головой, чтобы осветить помещение, и Амон-Ра увидел прямо перед собой большую картину. Картина была нарисована на стене пещеры, но тусклый, мерцающий свет не позволял разглядеть, что же на ней изображено. Андрей зажег семь больших свечей и так их расположил у стен, что картина стала отчетливо видна.

Амон-Ра узнал, кто был изображен на картине: это был Он. Тот, которого мальчик видел однажды с закрытыми гла-

зами. Тогда Амон-Ра сказал Андрею: «Я вижу Его». И еще он вспомнил, как в тот раз погружался в Беспредельность, а Беспредельность погружалась в него, заполняя собой все тело, разум и чувства.

Словно зачарованный, смотрел Амон-Ра на величественный Образ, который, казалось, сходил с облаков, а за Ним следовало золотистое свечение.

Андрей опустился на колени, мальчик последовал примеру учителя и тоже опустился на колени рядом с ним. После этого Андрей устремил на Образ полный любви, преклонения и почитания взгляд и начал читать молитву. Долго молился учитель, но Амон-Ра никак не мог понять и разобрать слов молитвы. Тогда мальчику тоже захотелось помолиться, и в его сердце слова сами собой сложились в прекрасную песню-мольбу:

*Владыка Всемогуций,
Преклоняюсь перед Твоим
Святым Именем.
Прими меня, как раба Твоего,
Взвали на плечи мои ношу Твою
И дай мне нести ее
по тернистой тропинке
На вершину горы,
Откуда смогу постичь
Безграничность Любви Твоей
И осознать глубину*

*Мудрости Твоей,
Аминь*

Амон-Ра все повторял и повторял про себя эти слова, и казалось, что остановилось время. Забыв обо всем на свете, он творил свою молитву не языком и разумом, сердцем и душой. Скоро он почувствовал, что слова были вовсе не нужны, а нужно было только одно: чтобы сердце пережило заключенную в этих словах мольбу и наполнилось этим чувством до краев.

Постепенно всё тело Амон-Ра наполнялось каким-то блаженством.

Не раз Андрей говорил Амон-Ра о душе, но только сейчас мальчик почувствовал, как трепещет от восторга в брэнном теле его вечная душа! При этом душа Амон-Ра горела высоким синим пламенем, которое, сливаясь с чистым и прекрасным огнем Андрея, освещало пещеру. Казалось, что этим чудесным огнем горит вся пещера, а Образ на стене становился всё более живым и чарующим. Учитель и ученик всё это время не отводили глаз от светлого Лица, они стояли на коленях с протянутыми к Божественному Образу руками, и сердца их горели любовью, побеждающей мрак пещеры и освещающей всё вокруг.

И ни тот, ни другой не заметили, как случилось, что Образ ожил и перед ними предстал Он! Да, это был Он – живой, улыбающийся, величественный и излучающий ослепи-

тельный свет, на который было трудно смотреть! И Он был намного прекрасней и светлей, чем Его Образ, изображенный на стене! Он подошел близко к Андрею, положил ему на голову руку и ясно сказал:

– Мир вам! Андрей, не задерживайся, поспеши к своему брату!

Андрей поцеловал Ему ноги и дрожащим голосом промолвил:

– Да, Господи!

Амон-Ра тоже поцеловал бы Ему ноги, но не осмелился сделать это. Тем временем Он как будто вошел в стену и исчез, а на стене опять появился Его Божественный Образ. Андрей, не вставая с колен, приблизился к Образу и еще раз приник к Его ногам.

– Люблю Тебя, Владыка! – прошептал он с чувством огромной любви и благоговенья, затем быстро встал и вышел из пещеры.

Амон-Ра повторил все, что сделал учитель.

Они стояли на маленькой площадке у входа в пещеру, обдуваемые ласковым ветерком. Утро еще не наступило, безлунная темная ночь не давала учителю и ученику отчетливо разглядеть друг друга. После долгого молчания Андрей привлек к себе мальчика и прижал его к сердцу.

– Ты слышал, что Он сказал? – спросил он.

– Слышал!

– Повтори!

– «Мир вам! Андрей, не задерживайся, поспеши к своему брату».

– Значит, мне надо спешить!

Андрей умолк, а Амон-Ра не посмел спросить у него что-либо. Он слышал, что у Мары есть два брата – Андрей и Симон. Симон жил у берегов Галилейского моря, на расстоянии двухдневного пути от Города. Раньше там жил и Андрей. В те времена братья были рыболовами, ходили вместе в море и тем кормили семью. Потом Андрей, с целью изучения чтения и наук, начал странствовать по разным странам. Он много скитался, был даже в Египте и наконец, приехал в Город и поселился в нем. Но вот наступило время, когда Андрей должен вернуться обратно к брату. Он незамедлительно должен был покинуть эти места и оставить Амон-Ра одного. Так нужно.

Амон-Ра ждал, что еще скажет ему учитель, и Андрей продолжал:

– Я тебе больше не нужен, ты и без меня найдешь дорогу!

Андрей присел на большой камень, Амон-Ра сел около его ног. Андрей гладил мальчика, нежно взъерошивал его непослушные волосы. Чувствовалось, что Андрей волнуется, но в его голосе звучали любовь и спокойствие.

– Всё, что есть в пещерах, я оставляю тебе! Воспользуйся, как считаешь нужным. Я больше сюда не вернусь.

Амон-Ра захотелось плакать, и он, глотая горькие слёзы, чтобы до них не дотронулись ласковые пальцы учителя, про-

шептал:

– Неужели я больше никогда тебя не увижу?! Андрей, я очень тебя люблю и не хочу с тобой расставаться!

– Я тоже люблю тебя, мой мальчик! Мы еще обязательно встретимся с тобой! Попытайся вовремя разгадать тайну своего камня-письма...

– Попытаюсь! – пообещал Амон-Ра.

Амон-Ра хотел рассказать учителю о том, какой он видел сон, связанный с тайной камня-письма, но передумал, ведь сон еще не означал, что тайна этого камня уже разгадана им. Вновь наступило молчание.

Амон-Ра не заметил, как перешел на беззвучный, мысленный разговор с Андреем. В разное время, находясь вдали от своего учителя, Ра не раз внутри себя слышал его голос, но сейчас мальчик не только слышал своего старшего друга и наставника, но и мысленно разговаривал с ним:

«В моей лаборатории ты найдешь наставления о приготовлении разных микстур и мазей. Научись им!»

«Хорошо, – мысленно ответил Амон-Ра, – можно ли передать Иораму всё то, чему ты научил меня?»

«Иорам хороший мальчик. Дай ему столько, сколько он сможет освоить. Сердце тебе подскажет, что можно будет доверить ему, а что – нет. – Андрей помолчал, а потом добавил: – Посмотри мои рукописи, которые хранятся в сундуках, и там же ты найдешь много полезных книг, они помогут тебе и твоим ученикам найти ответы на многие, многие

вопросы».

«Но у меня же нет учеников!» – удивился Ра.

«Будут. – Андрей, ты не забудь свой камень-письмо. – Он мне больше не нужен, ибо все уже сказано и сделано. Я его оставляю в пещере. – А можно мне входить в пещеру, посвященную Ему? – Давай назовем ее Пещерой Господа! Заходи в нее, как только твое сердце захочет этого! – Андрей, посмотри, уже рассвело! – Да, ты прав, уже светает! Пора в путь!»

Андрей встал и внимательно заглянул в глаза мальчику. В глазах Амон-Ра отражались первые отблески утренней зари, и весь он, такой хрупкий и маленький на фоне грозных скал, был освещен призрачным, загадочным и волшебным светом утра. Андрею даже показалось, что не восходящее солнце, а Амон-Ра освещает всё вокруг себя. А в это время сердце мальчика обвивало огнем своей огромной любви облик учителя, благословляло его на дальний путь.

«Запомни, мой мальчик, ты не маленький, ты давно уже не маленький, – опять услышал внутри себя Амон-Ра спокойный и уверенный голос Андрея, – кто научился чтению и наукам, тот уже не ребенок. Иди смело по своему пути, каким бы он трудным ни был!»

Последние наставления учителя вливались в сердце ученика словно поток, состоящий из тепла, света и доброты. Амон-Ра обнял Андрея и прильнул к его груди. Он мысленно видел, что Андрей выбрал тернистую, непроторенную, труд-

ную дорогу, которая вела его и звала за собой только вверх. Андрей шел по этой дороге первопроходцем: он преодолел её крутые подъемы, смело шагал над пропастями, а порой подвергался страшным опасностям, поджидавшим его на этом тернистом пути. Но он шел только вперед и никогда не оборачивался на прошедший день и на пройденный путь! И делал это Андрей не для себя, а ради других! Он делал это и жил так для тех, кто пойдет за ним следом, кто не побоится преград, препятствий и испытаний на этом трудном, но таком прекрасном пути, ведущем в Вечность!

«Да, трудная будет жизнь у Андрея, – подумал Амон-Ра, – но он и не хочет другой! Ведь Андрей может остаться в пещерах, писать книги, готовить целебные мази и микстуры, проводить опыты и изобретать новые лекарства. Он может и не идти по непроторенной, неизведанной тропинке, но должен сделать это, должен вступить именно на этот трудный путь, ибо это его путь! Наверно, так и написано на его камне-письме. Андрей даже рад тому, что наконец-то пришло время пуститься в дальнюю, трудную дорогу! Сколько лет он ждал этого чуда, которое только что произошло, когда явился к нему Тот, кого Андрей ждал всю свою жизнь! И Он зовет Андрея! Так пусть будет твой нелегкий путь добрым, Андрей!» – такими мыслями провожал Ученик своего Учителя и Друга и прощался с ним.

– Спасибо, мой мальчик, что ты любишь меня, что доверяешь мне! Я верю, что твоя любовь обязательно поможет мне

в трудную минуту, спасибо! – шепнул Андрей Амон-Ра. –
Да поможет тебе Бог!

Первый луч солнца, похожий на светлую тропинку, коснулся ног Андрея, словно звал его за собой в дальний путь. И учитель сделал первый шаг по своей тропинке, потом второй, третий и ушел, так ни разу и не обернувшись.

Глава 13

Амон-Ра еще долго стоял на площадке перед пещерами и мысленно всё провожал и провожал дорогого сердцу учителя. Солнце давно уже взошло, но он никак не мог расстаться с Андреем и все это время вёл мысленный разговор с ним: «Спасибо, учитель! Я уже взрослый, и это твоя заслуга! И я постараюсь быть достойным тебя учеником!» «Познай свой камень-письмо!» – вдруг услышал он в ответ голос Андрея.

Амон-Ра в последний раз взглянул туда, где скрылся Андрей, сел на камень, достал из-за пазухи мешочек и вынул оттуда свой камень-письмо. Затем он положил его на землю, а рядом с ним положил камень-письмо Большого Мальчика и начал внимательно их разглядывать и сравнивать. Амон-Ра попытался вспомнить сон, ведь он разгадал в нем какой-то секрет! Но он не успел вынести из этого сна ответ на мучивший вопрос, что-то помешало ему взять с собой уже, казалось бы, найденную разгадку.

Но что помешало? Как войти обратно в сон, чтобы разобраться во всем? Глядя на камень-письмо, мальчик пытался заглянуть в ушедший сон. «Что же помешало мне? Ведь что-то помешало мне, и из-за этого я потерял „ключ“ к решению тайны! Что же, что же это было? Может быть, это был камень-письмо Большого Мальчика? И зачем я храню эти камни вместе? Вот и сейчас: почему я положил чужой камень

рядом со своим?» И тут его осенило. Он взял камень-письмо Большого Мальчика и спрятал его в кусты, а свой камень положил на ладонь и посмотрел на линии.

Линии! Ну, конечно же, линии! Линии на камне и линии на ладони! Во сне он сравнивал эти линии друг с другом. И сейчас Амон-Ра сделал то же самое: он стал внимательно всматриваться то в линии на камне, то в линии своей ладони. Вдруг его охватила радость: «Эти линии похожи друг на друга, они создают совершенно одинаковый узор! Значит, этот камень-письмо действительно мой!» Он и раньше верил, что камень принадлежит именно ему, но теперь его вера подтвердилась. Итак, первая тайна была открыта!

Теперь надо было разгадать самое главное, расшифровать знаки-буквы.

Амон-Ра помнил, что во сне он нашел ключ и к этой тайне. В чем же секрет ключа? На обеих сторонах камня знаки-буквы были расположены группами по горизонтальным линиям. Мальчик начал искать в них одинаковые знаки, а затем каждый такой знак он чертил острием палочки на земле. Знаки были красивыми, их необыкновенное разнообразие удивляло и восхищало Амон-Ра. Некоторые из них повторялись два-три раза; другие – четыре или пять раз; но были и такие знаки, которые встречались восемь, девять, одиннадцать раз!

От своего учителя Амон-Ра знал, что в речи одну треть и даже больше составляют длинные звуки, хотя их в четы-

ре-пять раз меньше, чем коротких.

Взгляд Амон-Ра остановился на первых двух знаках, которые стояли особняком и, видимо, составляли какое-то слово. «Допустим, один из этих звуков длинный, а другой – короткий. Тогда посмотрим, что получится», – подумал мальчик и стал перебирать все возможные сочетания длинных и коротких звуков, пока не остановился на слове, выражающем утверждение, «ДА».

Потом он сразу заметил, что последнее слово тоже заканчивается этими двумя знаками, а в нем еще один знак, повторяющийся дважды. Амон-Ра предположил, что этот знак должен быть длинным, и опять приступил к сложному вычислению. Так, перебирая все сочетания звуков, он подошел к возможному строению слова: «О-ОДА». Ему понравился этот порядок звуков в еще не опознанном слове.

«Помоги мне, камень-письмо! Открой тайну „О-ОДА“!» – шептал Амон-Ра, умоляя камень. И в это время, словно яркая искра, в его сознании зажглась еще робкая, несмелая мысль-воспоминание. Он вспомнил, как во сне воскликнул: «Да-да, и это понял! Слава Тебе, Господи!»

«Ну, конечно же! Господь явился ночью к Андрею... Пещера Господа... Это слово „ГОСПОДА“!» – обрадовался Амон-Ра.

Он посмотрел на слово, начертанное на земле, и ему показалось, что все знаки как-то прояснились и стали светящимися. Причем и на камне-письме все подобные знаки тоже

зажглись, засветились, словно звездочки.

Мальчик ликовал: он овладел ключом, он всё же смог вынести его из своего сна! Это была пусть маленькая, но победа!

Вслед за этим открытием Амон-Ра разгадал слово «ПУТЬ», и на камне опять зажглись, затанцевали малюсенькие звездочки-искорки.

Потом было слово «КОРОТКИМ», и камень засветился еще ярче. Камень начинал говорить, он открывал Амон-Ра свою великую тайну! Нетерпение и волнение овладели мальчиком, его сердце сильно и гулко билось, и казалось, что даже горные вершины слышат этот стук сердца.

«Что скажет мне мой камень-письмо? Что он мне несет?» – спрашивал сам себя мальчик. И как читает маленький ребенок, только научившийся азбуке, так Амон-Ра начал читать вслух то, что было написано на камне. Он читал медленно, сосредоточенно, по буквам, и голос его дрожал от напряжения и волнения. Письмо сообщало ему:

*Да будет путь твой
Коротким и бесконечным,
Тернистым и восходящим,
Ибо
Ты есть лоза виноградная
Господа!*

Радостно вскочил Амон-Ра и стал прыгать от переполня-

ющего душу счастья. Он нежно гладил свой камень, целовал и прижимал его к груди, словно это было живое и любимое существо. «Был бы здесь Андрей, – думал он, пританцовывая на месте, – он обязательно порадовался бы вместе со мной!» Но любимого учителя рядом не было, одни лишь скалы окружали маленького танцующего мальчика и делили с ним его радость...

Когда же волнение немного улеглось, Амон-Ра заметил, что солнце давно село за вершины синих гор, вокруг темно, и только звезды мерцают на небе. «Но как же я мог читать в такой темноте?!» – удивился он и еще раз взглянул на камень-письмо.

Взглянул и глазам своим не поверил: он держал на руке маленькое звездное небо! Да, мальчику показалось, что это было настоящее небо, усыпанное яркими звездочками, и оно дышало, переливалось всеми своими яркими огоньками! На самом же деле это ожил и заговорил камень-письмо, и все линии, буквы и таинственные знаки на нем засветились, заиграли синими искорками!

Амон-Ра долго держал это «небо» на своей ладони и никак не мог оторвать глаз от удивительного, захватывающего зрелища. Амон-Ра достиг цели, он разгадал задачу, посланную ему из глубины веков, из глубин Космоса! Он, несмотря ни на что, смог открыть великую тайну, тайну своего камня-письма! А совершить это чудо ему помог Андрей, который научил его всему, что знал сам. Без Андрея не было бы

этой радости, не было бы этого переполняющего душу счастья.

И мальчик не смог больше удерживать в себе море переживаний, нахлынувших на него огромной волной, и сердце его закричало, во всю свою силу окликнуло учителя: «Андрей! Я прочел камень-письмо, Андре-е-е-й! Ты слышишь меня? Я смог! У меня все получилось!» И в который уже раз он стал читать огненные буквы, но теперь он читал их громко, вслух, чтобы его услышал учитель и порадовался вместе с ним победе.

Амон-Ра читал письмо, и как будто каждое произнесенное им слово повторяло все Мироздание: эхо раскатами грома неслось от одной горы к другой, звезда своим сиянием передавала другой звезде радость мальчика, а ветер шептал всем, кто встречался на его пути: «Слушайте, слушайте!» – и летел дальше.

И усилиями всех этих сил Вселенной до утонченного слуха Андрея донеслась песнь-крик души Амон-Ра: «...ибо ты есть лоза виноградная Господа!»

Амон-Ра закончил свое чтение, прислушался, и вскоре он получил ответ на свой зов: он услышал, как звезды радостным голосом Андрея откликнулись: «Амон-Ра! Я горжусь тобой! А теперь открой тайну каждого слова, познай свою миссию и следуй ей!»

Звезды умолкли, они лишь мерцали на фоне черного бархатного неба.

Наступила полная тишина.

Мальчик вдруг почувствовал, что его душа наполнилась вездесущим огнем Вселенной, а космический поток подхватил его и уносит ввысь, туда, где заканчивается Земля и начинается Бесконечность. И он полетел, закружился в этой Беспредельности под чудесную музыку сфер!

Постепенно Амон-Ра пришел в себя. Он не знал, сколько времени длилось это чувство полета, чувство удивительной легкости, свободы и единения со всем Мирозданием. И опять зазвучал в нем голос Андрея: «Познай свою миссию». Амон-Ра понял, что прочесть письмо и понять его суть – это разные вещи. В словах, начертанных на камне, заключена мысль, в них – тайна. Эту тайну Андрей назвал «миссией». Камень-письмо, видно, не раскрыл до конца свою весть, а может быть, это Амон-Ра не смог увидеть и уловить ее?

Почему учитель оставил свой камень-письмо в пещерах? Потому что он полностью раскрыл самую суть своего пути и покорно ожидал зова. А что же узнал из своего письма Амон-Ра? «Да будет путь твой коротким и бесконечным!..» Разве он, Амон-Ра, угадал, как путь может быть коротким и бесконечным одновременно? Или: «Ты есть лоза виноградная Господа...» Почему он лоза виноградная, и какой должна быть лоза ГОСПОДА? «Да будет путь тернистым и восходящим!..» О чем здесь говорится? Неужели имеются в виду колючие кусты на тропинке, ведущей в горы?

И чем глубже задумывался Амон-Ра над этими вопросами, тем больше убеждался, что стоит перед великим выбором своего пути, предназначенного только ему одному. Да и на камне, как он заметил, из одной точки разбегались в разные стороны две линии: одна шла, хотя и с большим трудом, все выше и выше и терялась где-то в облаках; а другая тоже устремлялась вверх до облаков, но, достигнув их, резко поворачивала и опускалась вниз в виде дождя. Что же это за линии? Может быть, они и есть пути, из которых Амон-Ра должен выбрать один? И какой путь предлагает выбрать ему камень?

Было очень поздно, и Амон-Ра вошел в пещеру. И хотя еще многое мальчику было непонятно, душа его торжествовала и пела! В эту минуту ему очень захотелось войти в Пещеру Господа, что он сразу и сделал. С легкостью нашел он в крошечной темноте свечи, зажег семь штук и, как делал это Андрей, расположил их вдоль стен. Пещера наполнилась неярким светом, и величественный Образ заворожил Амон-Ра. Он опустился перед Ним на колени, протянул обе руки и наполнил сердце вчерашней молитвой. «Владыка Всемогуший, – с упоением возносило сердце, – преклоняюсь перед Твоим Святым Именем, прими меня, как раба Твоего, взвали на плечи мои ношу Твою и дай мне нести её по тернистой тропинке к вершине горы, откуда смогу постигнуть безграничность Любви Твоей и осознать глубину Мудрости Твоей. Аминь!»

И с этой молитвой на устах Амон-Ра заснул перед Великим Образом.

Глава 14

«Душа тоже трудится», – не раз говорил Андрей своему ученику. Но душа, видно, трудится совсем по-другому, не так, как тело.

Она трудится «в поте лица», когда умирающий от жажды человек протягивает последние капли живительной влаги другому. Когда он, изнуренный голодом, несет последний кусок хлеба еще более голодному. Когда немощный и больной находит в себе силы ухаживать за другими людьми и ободрять их.

Душа трудится, когда не щадят тебя, но ты щадишь всех; не уступают тебе, но ты уступаешь; причиняют боль и горе, но ты даришь радость и надежду; ненавидят тебя, а ты желаешь добра.

Душа трудится, когда ты умаляешь себя, чтобы возвысить другого; когда падаешь от усталости, но всё равно спешишь на помощь к людям; когда молишься не только за друзей, но и за своих врагов, мечтающих погубить тебя.

Душа трудится, когда слышишь шепот ветра, и сердце твое отзывается на него. Когда поет обыкновенная птичка, а ты наполняешься чувством благодарности. Когда на тебя лает собака, а ты не боишься приласкать ее. Когда смотришь на звезды и мечтаешь полететь к ним.

Душа трудится, когда в жестокой борьбе с самим собой че-

любовь уничтожает свой страх. Когда он сжигает в огне любви к людям свой эгоизм. Когда отдает быстрой реке свою зависть, чтобы уже больше никогда не испытывать этого ужасного чувства. Когда человек молотит мельничными жерновами упорства свое недоверие и гордыню.

Душа трудится там, где кругом непроглядная тьма, а ты становишься свечой для других. Там, где страшная засуха, а ты проливаешься дождем, дающим жизнь и надежду. Там, где через пропасть или бушующий поток нет моста, и этим мостом для идущих людей становишься ты.

Душа трудится и тогда, когда ты удивляешься и восхищаешься Беспредельностью Вселенной и маленькой земной песчинкой, лучом восходящего солнца и простым огоньком светлячка, огромным бушующим океаном и малюсенькой капелькой росы, рождением нового дня и появлением на свет ягненка.

Душа трудится, когда ищешь собственный камень и стремишься разгадать его тайну. Когда выбираешь свою неповторимую тропинку и идешь по ней всю жизнь, не сворачивая...

Душа трудится, когда человек молится, вознося свои светлые молитвы Господу. Когда он преклоняется перед Господом и благодарит Его за дарованную жизнь...

Душа не знает отдыха, она трудится днем и ночью, трудится и тогда, когда снятся человеку сны, и тогда, когда он спит без сновидений.

Труд души есть Любовь!

Труд души – зажженная в любви Мысль!

Мысль и Любовь – есть путь восхождения души!

Андрей постоянно наставлял Амон-Ра, что надо научиться трудиться, то есть мыслить с любовью, героически, прекрасно и светло каждую минуту, каждую секунду. Андрей объяснял ученику, что душа обязательно должна трудиться для того, чтобы очиститься, набраться сил и достичь пространства Беспредельности, а затем лететь с одной звезды на другую...

Глубоким сном заснул мальчик в Пещере Господа перед Образом Бога, и семь зажженных свечей охраняли его сон. Он лежал на правом боку, а руки всё так же были протянуты к Величественному Образу. Дыхание мальчика так замедлилось, что могло показаться, он не дышит и его сердце больше не бьется.

Амон-Ра спал глубоким сном, а его душа в это время продолжала трудиться. Она легко и свободно отделилась от тела, которое оставалось всё таким же неподвижным и которое совсем ничего не почувствовало, глубоко поклонилась Образу, скользнула вверх, прошла через сердце Образа на стене и покинула пещеру.

Была темная, безлунная ночь, но душа мальчика видела всё: и то, что видят люди, и то, чего люди не видят. И это происходило потому, что она находилась в Тонком Мире, невидимом для обычного зрения, и у души Амон-Ра в этом мире были большие заботы.

Амон-Ра открыл тайну и вот-вот полностью познает суть своего камня-письма. Андрей дал ему верное направление, но кто знает, какие трудности могут возникнуть в будущем перед неискующим мальчиком. Скоро он должен понять, что означают слова: «Да будет путь твой коротким и тернистым». Как тогда поступит Амон-Ра? Выберет ли он себе путь короткий и тернистый или же предпочтет путь длинный, очищенный и проторенный? Да, мальчику обязательно встретятся в жизни соблазны, сможет ли он выстоять перед ними?

А Космос предупреждает: человек только сам выбирает свой путь, свою дорогу.

Душа Амон-Ра решила проверить свои силы: «Посмотрим, до какой высоты я смогу взлететь!» – сказала она самой себе и молниеносно устремилась ввысь. Далеко внизу остались вершины синих гор, и постепенно Земля становилась всё меньше и меньше, пока не превратилась в маленькую голубую звездочку.

Куда же стремится душа Амон-Ра? Она стремится к желанной далекой Звезде, которая уже несколько тысяч лет зовет ее и где ждет её другой путь совершенствования и восхождения. Летит душа к этой Звезде, и она становится все больше, величественней, необъятнее. Звезда меняет свой цвет, постепенно превращаясь в фиолетовый огонь, и испускает прекрасные лучи, похожие на радуго. Душа ликует, еще чуть-чуть и приблизится она к заветной Мечте!

Но душа Амон-Ра не смогла долететь до Сокровенной Звезды.

Ей не хватило совсем немного сил. И, тем не менее, она всё же была счастлива, так как на этот раз ей удалось подняться намного выше, чем год назад. И это была победа!

Значит, Амон-Ра правильно следует по своему выбранному пути, внутреннее чутье и интуиция не подводят его. Но окончательная и бесповоротная победа наступит только тогда, когда он, не оглядываясь назад, смело пройдет до самого конца короткую, но такую тернистую и крутую тропинку! Только тогда наберет он ту часть недостающей силы, которая так необходима для достижения Сокровенной Звезды.

Если же мальчик, следуя по своему трудному пути, допустит ошибку и свернет с него, если какой-либо соблазн притянет его к себе и поселится в нем, то тогда душа Амон-Ра потеряет и ту высоту, которую она достигла за многие воплощения в течение многих и многих тысячелетий! И кто сможет сказать, сколько столетий, рождений и сил понадобится ей для того, чтобы снова подняться до этой высоты!

Душа Амон-Ра развивалась и совершенствовалась в течение многих тысяч лет. В своих многочисленных рождениях она с честью прошла такие разные, непохожие друг на друга жизни.

В одной из жизней Ра был пастухом, которого звали Геннадис, что означало «Благородный». Он был добрым и кротким человеком, любил играть на своей свирели очень нра-

вившиеся всем мелодии, любил горы и поля, цветы и травы. Геннадис перегонял свое стадо с одного пастбища на другое, заботился о каждом ягненке. Он прожил долгую жизнь, и никто не мог сказать о нем недобрые слова.

В другой жизни его звали Александрос, то есть «Защитник». Он был тогда воином и защищал свое племя от нашествий врагов. Храбрый воин был убит на поле битвы.

В третьей жизни звали его Константин, что означает «Стойкий». Он был купцом: водил караваны верблюдов из одной страны в другую, перевозил нужный людям товар, продавал и покупал. Но однажды в пустыне напали на караван разбойники, перебили всех его друзей, а самого его убили при защите им женщины с ребенком.

В четвертой жизни он прославился под именем Иоанн — «Бог смилостивился». На него тогда разгневался правитель, ибо Иоанн предал гласности его темные и злые дела. За это он был брошен в темницу, в которой провел тридцать лет. Там Иоанн начал писать стихи и стал известным поэтом.

В пятой жизни был он служителем церкви, и звали его Симон, что означает «Услышанный Богом в молитве». Развел Симон вокруг церкви удивительной красоты сад; любил и ласкал каждый куст, каждый цветок, лелеял каждую травинку. В сад часто приходили люди, чтобы отдохнуть душой от мирских забот и насладиться чудесным ароматом роз, лотосов, камелий и лилий. А Симон смотрел на дело своих рук и радовался. Он горячо и самозабвенно молился Богу и умер

во время молитвы в глубокой старости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.